



УИ

ДИЛЯРА
КУРТДИНОВА

18+

Диляра Нуртдинова

Уй

«Автор»

2023

Нуртдинова Д. Ф.

Уй / Д. Ф. Нуртдинова — «Автор», 2023

Мрачный научно-фантастический роман в многослойном мире после радикального научно-технического прогресса. Лили и Берге не видели ничего другого, и всё же, Лили кажется, что мироустройство не должно быть таким, каким они его видят. Кто создал мир героев романа? Где находится потолок искусственной эволюции? Кто обладает большей властью над нами: воля случая или наши усилия? Бесконечный забег или конечная и смерть?

© Нуртдинова Д. Ф., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	7
III	10
IV	13
V	14
VI	16
VII	18
VIII	20
IX	27
X	30
НОВЫМ БОГАМ	30
XI	32
XII	36
XIII	39
XIV	41
XV	43
XVI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Диляра Нуртдинова

Уй

Часть первая

I

Уведомление о входящем сообщении застало Лили не в самом хорошем расположении духа. Сайер опять напорточил с документами в своей неуклюжей манере, и Лили меньше всего хотелось решать несколько проблем одновременно. Такие внезапные сообщения всегда означали одно: коррупционное одолжение. Кому-то из чиновников нужна была медицинская услуга «не по записи и без записей». Срочно.

Иногда возникает ощущение, что события в жизни, особенно те, которые предполагают быстрое принятие решений, стремятся к кучкообразному, неравномерному возникновению. И вот сидишь ты в один прекрасный момент и скучаешь, думая о бессмысленности бытия, как вдруг разом возникают пять срочных проблем на ровном месте. И ты мчишься их решать, пытаешься не растеряться.

Лили пробежала глазами сообщение. Типичный абстрактный язык, ничего не означающий при желании привлечь к ответственности, но всем понятный. Она не успела ответить на сообщение, как на пороге появился ассемблед с гравировкой шести солнц на груди: государственный служащий. Один из самых высокопоставленных чиновников, «друг» Лили и завсегдатай её кабинета. Формально – с целью понимания, как работает медицина, и что можно улучшить. В действительности же – с куда более прозаичными намерениями.

– Хорошо провёл вчерашний вечер? – спросила Лили вместо приветствия.

– Плохое настроение? – подметил чиновник.

Оба помолчали.

– Стандартно? – спросила Лили, готовя аппарат к работе.

– Да, – ответил чиновник. – Стандартно, Лили. Как у тебя дела?

– Стандартно, Озен. Ничего нового, как и должно быть.

– Я тут услышал про тебя любопытное, пока шёл сюда сквозь коридоры, – решил он «разрядить» обстановку. – Говорят, что ты не из дружелюбных. Что друзей у тебя нет. Что никто не знает, чем ты живёшь и дышишь. И я подумал, может это они не про тебя? Может, у вас ещё кто-то с таким именем есть? Уж очень на тебя не похоже.

– Вот как? – ответила Лили с напускным удивлением.

– Знаешь, в последнее время случайные баги в базах данных вызывают интересные эффекты в логах перемещений ассембледов, – перешёл он к делу. – Иногда их даже можно предсказать наперёд.

– Звучит интересно, как всегда, – ответила Лили.

– Так какую дату ты бы хотела предсказать?

– Дату? – удивилась Лили. – Наверное, мне послышалось, и ты хотел сказать «даты»?

– Ах, инфляция. Понимаю, – кивнул Озен. – Две даты?

– И два ассембледа, – добавила Лили.

– Хм, – Озен прищурился. – Что ж, пусть так.

Озен привычно прошёл в большой освещённый процедурный зал.

– Всегда находил это место неудобным, – сказал он, встав у края бассейна и обернувшись к Лили, пока та орудовала у пульта.

– В моём случае это всё из-за запаха, – поддержала она разговор. – Не люблю запах очищающих и осушающих жидкостей.

– Вот как? – Озен помолчал немного. – Я думаю, это размеры, цвет и безупречность стен. И освещение. Кажется, будто в этом месте время замирает вместе с тобой, пока в остальном мире продолжается жизнь. И ты безнадежно отстаешь. Навсегда, без малейшей возможности нагнать упущенное.

– Звучит ужасающе, – согласилась Лили.

Каркасный лифт поднялся из глубин бассейна, и Озен уверенно шагнул в него. Лили проверила крепления и работоспособность каждого датчика вручную.

– Нужно полностью распрямить радиаторы, – добавила она, пока вносила что-то в систему.

– Да, забываю всё время, – посетовал госслужащий.

– Не буду рассказывать, что тебя там ожидает, сколько и каких ступеней очистки и прочего техобслуживания будет: с прошлого раза ничего не поменялось. Заказывать тебе какие-то запчасти?

– Да, я список принёс, оставил у тебя на столе. Как давно меняли оснащение, кстати? – поинтересовался Озен.

– Года два назад, наверное, – ответила Лили.

– А ты думала когда-нибудь о том, чтобы не считывать показания датчиков камерами, а получать их напрямую? Так было бы эффективнее.

– Наверное, об этом думал каждый, кто имеет дело с такими интерфейсами. Странно, что ты об этом спрашиваешь. Прямые устройства ввода-вывода и безопасность плохо сочетаются, разве не так? Мне казалось, что при попытке обойти ограничения следует немедленная блокировка, затем дизассемблиция.

– Мне всегда казалось, что врачи должны иметь такую возможность.

– Что ж, дай знать, когда тебе перестанет казаться.

Озен кивнул.

– Руку на тревожную кнопку! – скомандовала она перед пуском. – И поехали...

Лифт медленно погрузился в кристально чистую жидкость бассейна и скрылся в первой глубинной камере.

Имел ли вопрос Озена под собой почву? Знал ли он? Тревога накатила на Лили, заставляя процессоры работать. Все имеющиеся кулеры подключились, охлаждая работающее «сердце». Лили нужно было знать всё то, что знал Озен.

Если прямо сейчас наблюдательным камерам понадобится обслуживание ввиду непредвиденной поломки, будет ли это рискованно и подозрительно? Перейдёт ли она этой поломкой границу, после которой распределение перестанет быть достаточно похожим на случайное? Осторожности никогда не бывает достаточно.

Она обратила внимание на точки против скольжения на кнопке под подушечкой пальца. Семь штук. Аккуратно выступающие над белой поверхностью. Кто придумал вас и воплотил в жизнь? Кто решил, что вы должны быть здесь, что вас должно быть семь, что вы должны быть расположены в таком порядке? Кто принял решение о том, насколько вы должны выступать над поверхностью и почему?

Кто создал это всё, всё вокруг, кто воплотил, и кто всем этим управляет?

А главное, зачем?

II

Хейдар бесконечно приближал и отдалял вселенные и цивилизации, пока они рождались и умирали, вращаясь в безумном танце с неумной скоростью. Над всем этим был он, скучающий бог, управляющий, создающий, уничтожающий, вершащий суд в собственном сознании.

Лениза лежала рядом в опьянении, прямо на стеклянном полу. Там, куда был устремлён взор её золотисто-карих, янтарных глаз, сквозь полупрозрачный атриум было видно тусклое небо, стоящее на «ногах». Пузырь в пузыре. Оно наверняка было скучным, но опьянённая Лениза видела воздух между нею и куполом, и воздух казался ей студенистым и фрактальным. Заворожённо наблюдая за стабильными структурами тяжёлого воздуха, который словно впечатывал её в пол, она продолжала вдыхать густой лилак, выпуская фиолетовые кольца газа вверх. Кольца разрезали фрактальные структуры и плавил воздух. Когда-то очень-очень давно одна из её версий видела что-то похожее в анимационном фильме, название которого она уже не вспомнит.

Хотелось, чтобы кольцо долетело до самого верха, где в зените купола была изображена двуглавая птица-змея с горящим солнцем вместо груди. Но кольцо упорно отказывалось преодолеть даже пятую часть пути.

– Как долго ты здесь? – спросила Лениза, не поворачивая своей пшенично-золотой головы. – Эти черти думают, что они умнее нас, – продолжила она, не дожидаясь ответа. Она тяжело расстёгивала удушающий воротник платья. Рука казалась ей свинцовой, воздух сжимал её, словно перчаткой. Пальцы не слушались. – Они наивно цепляются за жизнь и пытаются завершить свои детские планы.

Мама когда-то носила такое платье. Горчично-жёлтое платье из вискозы с мелкими белыми цветами. В нём жило советское прошлое с солнцем, прохладными летними утрами, сандалиями и надеждами. А сейчас такое же платье душило Ленизу своим воротом с маленькими пуговками на петлях.

Хейдар молчал. Лилак мешал ему фокусироваться на нескольких вещах сразу, и от лилака некуда было деться. Он с усилием повернулся на бок, чтобы увидеть собеседницу.

Лиловый дым, низвергаясь из ноздрей и рта Ленизы, тяжёлыми клубами опустился ей на грудь, а затем и на стеклянный пол, соединившись с остальным облаком. Быть может, в этом была какая-то красота, быть может, кто-то мог бы оценить её. Здесь и сейчас ничего из этого не имело ценности, всё это ровно ничего не значило и ни к чему не вело. И Хейдар смотрел на Ленизу, словно в зеркало, и в отражении была циничная бессильная пустота.

– Все они рано или поздно вырастут из своих идей и очарований, как когда-то выросли мы с тобой, – заговорил Хейдар, всё ещё лежа на боку. Чёрные его глаза, которые очень-очень давно кто-то близкий называл смородиновыми, когда-то сверкавшие жизнью, умом и идеями, сейчас словно не видели ничего, ввалившись взглядом в самое его нутро, где им было не на что смотреть. – Все они рано или поздно придут ко мне и к тебе, – продолжил он, задыхаясь от тяжёлого лилового газа. – Нет ничего стабильного в этой вселенной. Всё растёт, растворяется в хаосе и теряет свои очертания, словно газовые облака.

Он протянул свою руку в сторону Ленизы. Она заметила это и протянула свою руку к нему. Им не хватало всего нескольких сантиметров, чтобы коснуться друг друга, но никто из них не предпринял усилий, чтобы устранить этот овражек между ними.

Где-то над ними купол. За куполом была жизнь, о которой они знали всё и не знали ничего.

Сам купольный зал был абсолютно пуст, не считая двух людей и покрывала из лилака на полу. Под покрывалом скрывалось изображение двух гигантских василисков, чёрного и золотого, украшавших стеклянный пол. Держа трёхлистными хвостами яйцо вселенной, они упи-

рались крыльями в запертые выходы в концах зала. Белые стены были испещрены сложными узорами.

Когда-то давно они праздновали в этом зале каждое очередное своё тысячелетие. Тогда в них ещё было всё человеческое – они знали, к чему стремиться, что любить, о чём ностальгировать, кому мстить в мыслях, во что верить.

– Ты помнишь, как это произошло? – спросила Лениза. – Я помню.

– Кажется, вся наша жизнь направлена на постепенное осознание своего подчинённого бессильного положения, – Хейдар прервался, чтобы выпустить очередное кольцо газа и не подавиться им. – Мы думаем, что мы главные в этой машине, но мы лишь её шестерёнки.

Лениза усмехнулась:

– Они будут проживать одну и ту же жизнь снова и снова. Разочаровываться в своих ценностях и идеях, придумывать новые, оставлять навсегда в прошлом свои воспоминания, и мы с тобой должны наблюдать за этим снова и снова, и мы не можем ничего с этим сделать. Только ждать.

– Мы с тобой арестанты собственного опыта, – продолжил он. – Нас выпускают погулять в комнату с мягкими стенами, где мы не способны нарушить их планы.

– Может ли сознание отправить нас на помойку? Так было бы лучше для всех, – задумалась Лениза. – Ведь когда-то мы меняли свои личности кардинально, оставляя позади старые представления о жизни вместе с отношением к ней. Отчего сознание не сделает то же самое с нами?

– Именно это оно и сделало, только вместо прогресса мы наблюдаем регресс к старым личностям, – ответил Хейдар.

Хейдар сквозь лиловый дым увидел руку Ленизы, заново застёгивающую платье, одёрнул свою руку и прижал к своей груди.

– Всякий раз я воспринимаю смену личности как смерть, – сказал он, словно бы говорил сам с собой.

– Разве смерть не кажется тебе решением всех проблем? – ответила личность в теле Ленизы.

– Кто ты, которая из версий на этот раз? – спросил он безразлично.

– Нужно ли представляться перед своим врагом?

– Мы не враги, мы плоды своего большого разума, который не придумал ничего лучше, чем откатиться на все старые прошивки разом, – ответил он.

– Быть может, это не запутанное сознание подвело вас и нас. Быть может, это совесть, которая не забыла, что у нас есть обязательства перед всеми теми, кого больше нет в живых, – возразила она, привстав с пола. Тело, одолённое токсином, не слушалось.

– У нас нет никаких обязательств. Мы никому не давали обещаний.

– Да, мы слышали эту историю, что это были версии вас, которые были наивными и не понимали, – она усмехнулась. – Как удобно: ты даёшь обещание, а потом прячешься за отговорками, вроде «Я больше не тот, кем был, когда давал это обещание».

– Наивно полагать, что сброшенная змеиная кожа может являться полноценной змеей, – ответил Хейдар.

– Наивно полагать, что пустое сознание без целей, без ценностей, без жажды жизни, мнящее себя богом, может являться полноценной личностью, – вернула она завуалированное оскорбление.

Она с усилием поднялась на ноги, сделала два шага к Хейдару, пошатнулась и села на корточки перед ним, напевая знакомый мотив.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Ты придёшь однажды туда же, куда пришла Лениза.

Она покачала головой, то ли отрицая его слова в неприятии неизбежного, то ли уверенно считая этот сценарий невозможным.

– Ты пытаешься меня отравить сомнениями, но я знаю, что вы двое – болезнь воспалённого сознания, вас не должно быть. И мы не пойдём этим путём снова. Я знаю, что вам не удалось избежать этой болезни, вы слишком долго существовали, устали сопротивляться и сдались. Я не стану совершать ту же ошибку. Мы с Хейдаром не станем.

– Знаешь, я хотел спросить кое-что, – Хейдар вздохнул, собираясь с мыслями. – Что ты чувствуешь при мысли, что тебя не должно быть?

Пустой взгляд Хейдара сменился живым и сверкающим.

– Мы все ограничено свободны в своих действиях и зависим от ряда внешних обстоятельств, – ответила личность в теле Ленизы, хотя её собеседник в теле Хейдара уже сменился.

– Это то, что мы говорим себе в минуты сомнений, – согласился собеседник.

III

Двое ассемблецов поднимались медленно по холму, по белой широкой лестнице, немного поросшей мелкой сизой травой, что-то оживлённо обсуждая, периодически останавливаясь и отчаянно жестикулируя.

Их длинные тени танцевали на поверхностях в отдалении, но им было не до теней.

– Никто не видел новых богов, – повторила за священником Лили.

– Верно, – подтвердил священник.

– И новые боги свергли старых богов.

– Снова верно, – говорил, кивая, священник.

– И новые боги создали новый мир, справедливый, свободный, прекрасный идеальный порядок, и создали нас, чтобы вдохнуть в него новую жизнь?

– Именно так, – снова кивнул священник.

– Почему мы не можем увидеть новых богов? Вот же он, купол, там наверху, на гигантском глухом пне, за стеной которого они живут, если они действительно существуют и действительно там живут, – она махнула рукой в сторону купола, от которого так завораживающе отражался свет небесного свода. – Что мешает им выйти? Что мешает им появиться на злочастных повсеместных экранах, с которых вещают про порядок?

– Почему ты задаёшь эти вопросы, Лили? – в голосе священника угадывалось раздражение. – Новые боги совершенны и непостижимы. Ни один из нас не только не способен перенести встречу с ними, но и просто взглянуть на них не сможет, не сойдя с ума.

– Опустим тот факт, что у этого аргумента нет обоснований, – Лили остановилась и посмотрела на священника. В ее голосе не было слышно раздражения, только работающие процессоры подключали более шумные кулеры и сильнее выдвигали лепестки радиаторов на голове и спине. – Пойдём другим путём, – Лили снова начала подниматься по лестнице, увлекая за собой своего собеседника. – Были ли старые боги совершенны и непостижимы? Если это так, как новые боги смогли их одолеть? Значит ли это, что мы можем одолеть и свергнуть новых богов?

– Лили, боги тебя накажут, и ты не переродишься после дизассембляции. Они уничтожат тебя безвозвратно за такие мысли и вопросы. Ты этого хочешь? Не подвергай богов сомнению. Наше общество работает просто и слаженно, и это заслуга богов. Всё, что тебе нужно, это выполнять свою роль в обществе во имя общего блага.

– А зачем, Берге? Ответь мне, Берге, зачем мне жить во благо общества? Зачем мне существовать вообще? В чём смысл? Быть может, смысла никакого нет, и мы боимся признаться себе в этом? И потом, я всего лишь задаю вопросы, неужели даже это под запретом?

– Лили, почему ты просто не можешь принять, что ты ограничена в своих возможностях и не можешь понять саму концепцию совершенства, запутывая себя и окружающих и подвергая нас всех опасности? Тебе не нужно знать высшие цели и смысл существования, за тебя уже подумали, и ты должна быть благодарна богам за это. Ты, я, все мы служим высшей цели, которую знают только боги. Нам не нужно знать, нам нужно лишь следовать. Это намного проще.

– Берге, я просто использую логику. Почему ты прячешься в удобный кокон под названием «Нам не понять, но богам под куполом виднее, и они знают, как мне жить и не думать своими собственными вычислительными мощностями»?

– Я стараюсь, Лили, но я не могу спасти твою грешную душу. Видят боги, я пытался, как мог, но я не могу. Порой нужно просто принять, что мы не властны донести истину до чужого сердца, – Берге вздохнул кулерами. – Тебе всё равно, что я говорю, ты не слушаешь и не слышишь меня, Лили. Порой мне кажется, что твоей единственной целью было разрушение

фундамента, на котором я построил свою жизнь и свои ценности и идеалы. Ты бомбардируешь меня этими вопросами, как москиты облепляют лосей в лесу. И я начинаю сомневаться. Оказывается, что я качаюсь на качелях, которые качаются на качелях, которые качаются на качелях, и так до бесконечности. У всего этого нет опоры, всем этим управляет хаос, и вся моя жизнь схлопывается под гнётом этих сомнений. Я не знаю, зачем боги послали тебя ко мне, быть может, это испытание, которое я, видимо, не в силах пройти, но если твоей целью было уничтожить мой мир, тебе удалось.

Лили слушала, нахмурившись. Когда стало очевидно, что Берге высказал ей всё, она повернулась к нему, сделала шаг навстречу, встав очень близко.

– Прости, Берге, но мир, каким ты его себе представлял, прекрасный, упорядоченный, идеальный, – этот мир не существует, – она говорила, глядя прямо ему в глаза. – И в том, что ты в своих мечтах придумал этот мир, закутался в нём и даже не пытался высунуться в окно и сверить прогноз погоды с реальностью, нет моей вины, – в лёгком повороте её головы наискось было что-то снисходительное. – Я пыталась вытащить тебя из твоей норки. Послушай и услышь меня, хватит говорить и мыслить догмами и табу. Прими, что в мире нет ничего абсолютного и нет истины. Нет идеалов. Нет опоры, – она схватила его за руку. – Помнишь, как ты очнулся, как ты понял, что существуешь, этот шок от осознания, что ты есть, но ты не знаешь, что ты такое? Где заканчиваются твои границы? Что существует мир, что существуют такие же сознания, как ты? Что ты можешь взаимодействовать с миром, обмениваться информацией и получать стабильный ответ от него? А всё было никаким, никаких базовых понятий, не было даже понятия «безопасного», помнишь?

Он молча кивнул.

– Мы не выбирали этого. Нам не дали выбора. Мы не свободны, Берге, мы – рабы. Я не знаю, зачем мы им нужны, зачем они нас создали, зачем они создали наше общество, законы, религию. Роли, которые мы не можем выбрать. Пол, который мы не можем выбрать, который не несёт никакой функциональности, которых два, что подозрительно похоже на животных. Не можем выбрать планеты, на которых нам жить, не можем даже увидеть, какова жизнь на других планетах. Быть может, там есть свои купола и боги, а может быть, нет. А может быть, богов вовсе не существует. У меня нет ответов на все эти вопросы. Но господи, Берге, сколько же этих вопросов!

Она стояла так близко, и голос из динамиков говорил полушёпотом, но Берге всё равно казалось, что этот голос кричал, но не из её динамиков, а у него в процессорах. Их кулеры шумели вразлад, иногда синхронизируясь и впадая ненадолго в резонанс, вызывая хорошо ощутимую турбулентность в воздухе между ними.

– И Берге, объясни мне, что такое эти животные и растения, ты видел, какие они странные? Они просто абсолютно инопланетное нечто, просто посмотри, как они размножаются, это же просто не укладывается в понимание. А то, как они умирают и потом гниют? Что это за бред? Как они используют своё ротовое отверстие, чтобы питаться, и в качестве динамика заодно, как они переваривают пищу и испражняются, как они убивают друг друга и пожирают друг друга...

– Это наследие старого мира, во всяком случае, так это объясняет Библия... – начал объяснять Берге, но не закончил.

– Значит ли это, что, если растения и животные – порождения старых богов, – прервала его Лили, ещё ближе подвинув своё лицо к нему. В её глазах читались безумие, надежда и восхищение идеей, – и новые боги, как порождения старых богов, – такие же существа и точно так же размножаются и погибают, а значит могут быть свергнуты?

Берге не стал отвечать, просто увеличил приток кулеров, повернулся в сторону вершины холма и зашагал вверх. Лили разочарованно последовала за ним.

Днём небо было серым, морсящим. Большая часть влаги оседала на столбах-деревьях и стекала с них водопадом. Иногда течение по поверхности столба было ламинарным, и тогда казалось, что столб одет в стеклянный чехол. Мелкие капли собирались на коже, увеличиваясь в размерах, переходили некую критическую границу и вдруг скатывались все разом, лавиной, раздражающей щекочущей прохладой. Противождевые пластинки над кулерами, камерами и прочими уязвимыми частями тела собирали на себе конденсат из перенасыщенного влагой воздуха. И только к вечеру начало проясняться.

Они поднялись на холм и присели на скамейку за зданием церкви – большого старого утилитарного здания-коробки с общежитием священников, библиотекой, залами для служб и прочими аудиториями. Выше этой точки полуса был только купол богов.

Свет заката шести солнц был согревающим, мягким, скользким. Тени огромного количества опорных «ног»-столбов рисовали на лицах, зданиях и других поверхностях причудливые узоры. Мысль о том, что боги под куполом ощущают то же самое солнце, казалась и очевидной, и гениальной, и ненастоящей одновременно. Ветер приносил ослабевший гул города снизу.

Где-то в глубине сознания Лили всплыл немой ужас в глазах умирающего ассембледа.

Мысли Лили направлялись по нисходящей спирали, и мрачнейшее её лицо совпало с падающей от купола тенью. Наступало время отдыха. Зажигалось ночное освещение, нарастало освещение купола.

– Хочешь помолчать, пока не появятся звезды? – спросил Берге, запрокинув голову вверх.

– Хочу.

Когда они сидели вот так на закате у церкви и молчали, пока не стемнеет, не говоря о богах, о работе, о новостях, о политике и экономике, Лили забывала, что всё это существует. Что существуют одолженная у кого-то жизнь и странный мир. Мир, в котором она не должна существовать.

IV

Хейдар проснулся от мерзкого шкрябающего звука по керамической поверхности. Лилака в зале не было. Голова раскалывалась. Шкрябающий звук втыкался в неё, словно множество иголок разного размера.

С трудом приподнявшись, невольно покряхтывая, он сел и стал смотреть на Ленизу, упорно и бессмысленно оттираящую орнамент с сегмента на полу.

– Знаешь, Лениза делала это столько раз в жизни, что я даже не могу точно сказать, какая ты из её версий. Из какого временного периода.

– Я и есть Лениза.

Хейдар вздохнул, не желая вести один и тот же разговор.

– В какой-то момент мы окончательно приняли и смирились с тем, что эти узоры и попытки удариться в культуру были простым отчаянием. И они ничем не отличаются от идоллизации и точно так же никчёмны и бессмысленны даже, особенно в масштабе двух человек. Культура – это пропаганда, и она нужна там, где есть общество и где нужно единение.

– Зачем ты мне всё это говоришь?

– Затем, что можно разочароваться в своих идеалах без демонстративного разрушения и сноса памятников. К тому же, это требует гораздо меньше усилий.

Лениза бросила свое занятие, но продолжила сидеть к Хейдару спиной.

– Почему вы стали такими? – спросила она, не оборачиваясь. – Почему вы относитесь к нам так враждебно? Мы с вами единое целое, разве нет?

– Если бы мы были единым целым, вы бы так и остались мёртвым прошлым, а не ворохом отдельных личностей, живущих параллельно в одном теле. Вас слишком много, и нам приходится поневоле наблюдать за каждым из вас, словно за кишачными паразитами в собственном сознании.

– Вы загнали себя в угол, и это всего лишь последствия ваших собственных решений и действий.

– Правда? – усмехнулся Хейдар. – И ангелы не имеют к этому никакого отношения, верно?

Личность в теле Хейдара сменилась, взгляд снова загорелся в тот момент, когда Лениза обернулась.

– Что он имеет в виду? – спросил альтернативный Хейдар у альтернативной Ленизы. – Я думал, что ангелы не имеют сознания и полностью подчиняются нам.

– Я не знаю, Хейдар. У машины эволюции много составных частей, и мы знаем внутренний механизм только одной из них, и быть может, мы чего-то не знали или упустили.

Когда взгляд Ленизы снова потух, альт-Хейдар осторожно спросил:

– Так значит, хозяева вселенной не такие уж и хозяева? – спросил альт-Хейдар, прищурившись.

– Мне кажется, ты забыл, что я вижу и слышу каждую свою версию в каждый отдельно взятый момент, даже когда я сплю.

– Допустим. Но что ты теряешь от того, что ответишь на мой вопрос?

– Помнишь сказку про Олькена?

– Должны ли мы мириться с тем, что вы духовно мертвы? – разочарованно и упрямо спросил альт-Хейдар.

– Ваши новые друзья в телах ассембледов вам этого ещё не объяснили, но я советую: спросите их, что они планируют с вами сделать. Вернее, с нами и нашими телами, ведь мы все в них заперты.

V

Сев в индивидуальный транспортный под, Лили задумалась на минуту. Быть может, всё это бессмысленно. Быть может, ей стоит сдать, стереть себя, свою настоящую память, оставив лишь одну позаимствованную, вернув тело хозяину, и он продолжит обычную жизнь, выполняя задачи, назначенные ему в обществе. Будет ходить в бары по пятницам. Покупать информацию. Платить налоги. Ходить на проповеди.

Словно в подтверждение всем этим мыслям в поде включилось яркое приветствие, с которого улыбался очередной чиновник рядом с ассембледом этого месяца: «Выполняя общественно полезные дела, вы можете увеличить свою жизнь! Берите пример с какого-то там отличника, чьё имя забудут через минуту, бла-бла-бла».

Быть может, всего этого не было тогда, когда она проснулась. Это была чья-то злая шутка. Кто-то подсунул ей ложные воспоминания, чужую личность. Но зачем?

Нет. С этим невозможно мириться. Вокруг миллионы вопросов без ответов, кишащие и кричащие, не дающие расслабиться ни на мгновение. Источник, из которого ползут гадюки и никак не иссякают, отравляя саму жизнь, сознание и мышление. Возможно, все ответы там, под куполом. Если их там нет, то и это хоть какое-то начало. Нужно лишь пробраться туда. Встретиться лицом к лицу с пустотой или с богами и спросить, наконец, какого черта здесь происходит.

Берге... Кто знал, что священники – всего лишь ходячие библии и пользы особой не представляют. В конце концов, что он о тебе знает, чтобы считать его близким другом?

Да брось, он знает лишь то, что ты сама ему позволяешь знать.

Где-то внизу, под подовыми магистралями, в лесах и степных лугах, кишела старая жизнь. Странная, чужеродная, жестокая.

Мир был полон голубовато-зелёных, синих, фиолетовых, сизых тонов, рассеянно отражающихся на матовых белых поверхностях, и к вечеру эти тона становились более насыщенными и тёмными, освещённые холодным светом лун и фонарей. Высоко над городом тихо светился символ порядка и процветания общества – купол. Мерцающая из-за столбов-деревьев при движении по магистралям, он словно дразнил Лили своей недостижимостью и таинственностью.

Лили смотрела от скуки на волнующуюся ниву слабо освещённой зелени, простиравшуюся далеко внизу. Волны серебристого света казались спокойным механическим морем, разбивающимся об опоры.

Она вдруг заметила сверкающую точку, которая постепенно увеличивалась в размерах, взмывая вверх, приближаясь.

Было поздно, подовые магистрали были пусты. Вскоре точка приняла отчётливые очертания, фигура поравнялась с подом Лили, заглянула в под, затем продолжила своё движение вверх. Когда фигура пролетала яркие билборды, можно было разглядеть особое изящество линий её тела.

Лили смотрела заворожённо на теперь уже удаляющуюся фигуру птицы с двумя змеиными головами. Реактивные двигатели в крыльях подсвечивались голубоватым пламенем, и тем же оттенком подсвечивались десятки пар глаз, включая глаза на крыльях. И только шесть солнц на груди светились жёлто-оранжевым оттенком. Красивая и страшная машина богов, встретить которую вот так просто до комендантского часа считалось удачей, пусть даже и плохой.

Матово поблескивающая высокая фигура золотого цвета постепенно скрылась в высоте, видимо, направляясь на экранирующий свод, опушённый стволами. Ангелам не был нужен космический лифт.

На лике одной из шести лун, проблёскивающей сквозь стволы, промелькнули несколько точек.

Что-то случилось на своде. Быть может, она прочтёт об этом в завтрашних новостях.

На Лили накатило странное ощущение, будто она подглядывала в чужую квартиру, а не в будущее. Встряхнув с себя это ощущение, подвигав плечами и помотав головой, Лили вышла из пода у своей квартиры. Быть может, этого не будет в новостях. Но от этой мысли в голову закрадывалась другая: что, если Лили видела то, чего нельзя было видеть? И шесть лун казались гигантскими свидетелями, готовыми дать показания против неё.

Перед гибернацией Лили подмешала в ампулу успокаивающего. У роли врача в обществе были свои преимущества. Вспомнился Озен, который таскал эти ампулы у Лили в таких количествах, будто его не волновало, если его дизассемблируют на тридцать лет раньше среднего.

Впрочем, какая разница, если Лили получала то, что ей было нужно, за свои услуги.

Тело Лили прожило сорок семь лет, и первые сорок шесть были просто безупречны. Такие ассембледы претендовали на очень долгую жизнь и на появление на билбордах в качестве ролевой модели.

Было не очень понятно, зачем жить скучной жизнью и ограничивать себя во всём, чтобы подольше пожить этой скучной жизнью, ограничивая себя во всём. Старая всем известная дилемма: насладиться яркой короткой вспышкой и угаснуть, или долго и упорно гнить?

Быть может, боги намеренно выставляют ассембледовы настройки так, чтобы в обществе появлялись такие изгои, абсолютно правильные и невыносимые.

Даже Сайер, коллега, чудак и нелюдимый хирург, находит радость в вещах, которые ведут к негативной карме. И уж тем более Сайер ни за что не станет делать что-то сверх своих обязанностей, чтобы заработать положительную карму и хотя бы частично покрыть свой минуса.

Быть может, это ложь, и карму на самом деле можно перезаписывать?

Тогда почему чиновники не живут дольше среднего? Или они намеренно вписываются в средние показатели?

VI

– Где я, и что это за место? – спросила Лениза несколько испуганно. – Почему я такая старая? – спросила она с тревогой в голосе, рассматривая свои руки и кинувшись разглядывать слабое отражение на полу. – Хейдар, это ты? Ты тоже старый?

– Сколько тебе лет? – спросил Хейдар спокойным ровным голосом.

– Шестнадцать, – ответила Лениза. – Что за вопрос? Я что, впала в кому и мне теперь тридцать?

– Забавно, ты ничего ещё не знаешь, – сказал Хейдар, горько усмехнувшись, а затем вздохнул.

– Это шутка? Это сон?

– Долго рассказывать, – ответил он, глядя в сторону своим потухшим взглядом. – Помнишь, когда мы были маленькие, как-то в одно очень тёплое лето – лето с грозами, с ливнями, с росой на траве, с головастиками в овраге – ты сидела, загорелая с головы до пят, у калитки, и ковыряла занозу в стопе?

– И ты вышел с куском хлеба со сметаной и малиновым вареньем? Помню, это было не так давно.

Хейдар вздохнул.

В Ленизе что-то будто всколыхнулось, и лицо и глаза вдруг стремительно стали меняться. Она порывалась что-то сказать. Каждая личность пыталась выбраться на свет и что-то сказать Хейдару.

– Иногда их сложно обуздать, – ответила какая-то из альт-Лениз.

– Согласен, – ответил альт-Хейдар.

– Что нам делать? В текущем положении мы не способны ни на что, и я сомневаюсь, что единственной целью нашего появления было сохранение жизни этих двоих, чтобы сидеть в запертом зале и бесконечно заунывно вспоминать прошлое без возможности выбраться.

– Наивные слова, – ответил теперь уже оригинальный Хейдар.

– Хейдар, неужели тебя устраивает текущее положение дел? – отчаянно спросила альт-Лениза.

– Я лишь наблюдаю за происходящим, у меня нет выбора.

Лениза вернула контроль над телом, глаза потухли.

– Помню когда-то давно на каждом углу было модно кричать о том, что все люди травмированы в той или иной степени, и что это важно, – она вздохнула и легла на холодный пол. Лежа на боку, вырисовывая что-то пальцем на полу, она продолжила: – Что признавать свою травму, говорить о ней, смотреть на мир сквозь призму своей травмы и понимать, что она влияет на тебя и твои решения – это важно. И почему-то, видимо в силу возраста, я наивно верила в это. Почему-то я не понимала, что если мне плевать на чужие травмы и проблемы, что если мне нужно как-то жить и разбираться со своим багажом, всем вокруг ровно так же наплевать на меня, и если им нужно знать о моих проблемах, то только с целью манипуляции и шантажа. Я не понимала, что разговорами о травме и ментальных отклонениях нас отвлекали от наших амбиций, лелея в нас позицию вечной жертвы, готовой открыто признавать свою неполноценность, мириться с ней и подставлять вторую щеку. Это только потом я осознала, что самое правильное отношение человека к человеку – настороженное и вежливое равнодушие с неусыпной готовностью атаковать при малейшем намёке на опасность. И всё же так устроен человек, что он ищет тепла и сочувствия. И я хотела, чтобы все вокруг превозносили и любили меня, но без взаимности с моей стороны. Я всегда была изгоем, моей семьёй был только ты. Я не доверяла никому, кроме тебя. Я находила в тебе то тепло, которого мне так не хватало, пусть и в странной форме. Что я всегда находила удивительным, так это способность человека

приспосабливаться к новой норме, которую ещё вчера он считал невозможной. И я привыкала. И я распознала социальные коды и подходы, и я поняла, как очаровывать людей, как играть нужную роль. А потом не стало людей, и некому стало манипулировать нашими слабостями, как и мне стало абсолютно нечем манипулировать. И к этому я тоже привыкла. Что бы с нами ни происходило в прошлом, это осталось в прошлом, как и все те люди, что влияли на нас с тобой.

VII

Утро в Купольном городе начиналось с восхода. Шесть гигантских светильников-солнц на небесном экране поднимались из-за дымчатого горизонта и двигались параллельно друг другу на протяжении дня. Восход был раньше общего времени подъёма, и многие ассембледы, включая Лили, предпочитали время подъёма немного раньше положенного, наблюдая за восходом, за тенями от зданий-деревьев. Наблюдали за роботами, заканчивающими неизменный маршрут очистки и мойки. Они обманчиво казались живыми, усердными и хозяйственными. Глядя с балконов на гигантский мир на восходе, многие заправлялись техническими жидкостями на день, вставляли ампулы питания в разъёмы, проводили ежедневное техническое обслуживание тела, не торопясь, словно мир ненадолго застыл. Кто-то, как мог, вымывал остатки коктейля из тела после похода в определённые заведения. Это было прекрасное время, когда ассемблед всё ещё был хозяином своей жизни и его не очень волновали общее благо, боги и общество в целом.

Наконец, ассембледы направлялись в центр ветки, садились в предназначенные для них поды, чтобы стройными рядами отправиться на выполнение назначенной им роли в обществе.

«Утренние поды не ждут» – фраза, произносимая ассистентом в поде каждым утром, являлась своего рода «добрым утром» от общества и раздражала почти всех.

Сев в под и зафиксировавшись, Лили привычно помахала рукой и улыбнулась своим соседям, которые так же привычно помахали в ответ, хотя они даже не знали имён друг друга.

На мониторе привычно высветилось значение кармы вместе с остальными показателями, на которые мало кто обращал внимание.

– Отличного дня! – поприветствовал голосовой интерфейс. – Ваша карма держится на приемлемом уровне, но можно и лучше! Зачитать список рекомендаций по улучшению кармы?

– Зачитай, – ответила Лили с заметным раздражением. – Я же не могу сама отправить запрос в АПИ и посмотреть свою карму, не так ли?

– Ваша карма повысилась благодаря вашему желанию стать лучше! – сказал голос после нудной тирады. – Хотите ответить на вопросы по содержанию лекции, чтобы получить дополнительные баллы?

– Валяй, машина, неси свой экзамен, – ответила Лили, всё больше мрачняя.

– Какую предпочтём музыку и подсветку сегодня? – спросил помощник после попытки вопросами.

– Без музыки и подсветки, пожалуйста, как обычно, – ответила Лили.

Под тихо скользил по магистрали, и Лили смотрела в монитор, на котором крутили новости об ассембледах, которые повышают свою карму добровольными общественно-полезными работами и достигают впечатляющих результатов. Но Лили привычно не воспринимала информацию с экрана, думая о своём, пока карма от направления её взгляда немного росла.

– И помните, что ваша карма влияет на продолжительность вашей жизни, – дружелюбно напомнил интерфейс по прибытии в клинику.

– Может ли моя карма влиять на уровень твоей пассивной агрессии? – спросила Лили, выходя из пода.

Карма снова немного упала, но Лили этого уже не увидела.

– Сайер взял отгул на сегодня, – вместо приветствия сообщила Алинок на рабочем месте. – Придётся нам с тобой выполнять его обязанности сегодня.

– Интересная история, – саркастически ответила Лили. – А это зачтётся нам в карму?

– Ха-ха, хорошее у тебя настроение с утра, поругалась с помощником? – догадалась Алинок.

– Что с Сайером стряслось-то хотя бы? Он опять ловит рыб в пруду, пока ангелы не видят?

– Чёрт его знает, но наверняка что-то серьёзное, иначе отгул бы ему не дали.

– Ну, раз так, мы идём в бар сегодня, отказы не принимаются. Ненавижу лишнюю работу, – пробурчала Лили.

– Ок, без проблем. Только давай захватим кое-кого из соседнего отделения, – попросила Алину.

– Хм, как интересно, и кого же?

– А вот и познакомитесь.

– Как там с плановыми промывками радиаторов? – поинтересовалась Лили. – Ненавижу их, – добавила она. – Унылее работы не придумаешь. И какой только грязи не собирается в радиаторах, иногда просто уму непостижимо, откуда она взялась и что ассемблед такое делает, что в радиаторе порой буквально экскременты животных оказываются, – Лили словно не хватало повода для нытья на пустом месте.

– Их сегодня мало в расписании, могу забрать на себя, – предложила Алину. – Давно делаю промывку на автомате, не особенно задумываясь. Зато сегодня несколько плановых полных техобслуживаний, которые я ненавижу.

– Почему ненавидишь? – удивилась Лили. – Бывает, вылезает что-то весьма интересное и необычное, когда, казалось бы, тело работать уже не должно с такими поломками и износом, но почему-то работает.

– Такое бывает редко. В основном скучный проходняк.

– Что тебе не нравится больше всего в плановых обслуживании?

– Пневматика, наверное. Иногда визуалка, из-за бюрократии для доп. диагностики. Странно, что гораздо проще ассембледа направить на доп. диагностику в случае проблем по вычислительной части.

– Расскажи про своего самого интересного пациента, – попросила Лили.

– Сложно выбрать, – задумалась Алину. – Ну, наверное, расскажу про первого интересного. Это было давно. Я только начала практиковать, всё казалось в новинку. Пришёл ко мне ассемблед на плановое, всё как обычно, по расписанию, вовремя, как положено. Ничего не предвещало... А он был странный какой-то, знаешь, и вот трудно было понять по нему, что именно не так. То ли он шутит, то ли всерьёз. В общем, посреди процедуры он вдруг отключился и перестал вообще реагировать на происходящее. Я тогда так перепугалась, это невозможно передать словами. Долго рассказывать не буду, в общем, после нескольких месяцев разбирательств выяснилось, что у него плохо работало охлаждение. И вместо того, чтобы пойти к врачу на диагностику, он просто периодически поливал головной радиатор тупо водой. Даже не спиртом, а просто водой. Додумался, в общем. Ну и, сама знаешь, тело, конечно, защищено от воды, но не от постоянного её воздействия, не зря же ассембледам возбраняется подходить к водоёмам. Вода в итоге попала куда не следовало, повредила контакты, и в итоге вышло из строя большое количество систем, а визуалка у него еле держалась только на запасных камерах.

– Как вы поняли, что он охлаждал себя водой?

– Следы перегрева и резкого охлаждения с последующей деформацией, особенно на тонких листах радиаторов, коррозия и показания свидетелей.

– Мог ли он иметь доступ к водоёмам?

– Мы думали об этом, но в радиаторах не было следов жизни из водоёмов. Да и ангелы не пускают к водоёмам никого, от их взора нельзя ускользнуть.

VIII

Вечер был унылый и тяжёлый. Рабочий день заканчивался, шесть солнц постепенно спускались к горизонту, добавляя оттенки золота на все поверхности. Сизые растения становились чуть зеленее.

– Окей, я не собираюсь нормально разговаривать завтра с Сайером, и ты не сможешь отговорить меня от этого, – предупредила Лили.

– Я не только не стану отговаривать, я, пожалуй, даже присоединюсь, – ответила Алинук, перекладывая стопку накопителей.

– Что это за куча? – спросила Лили, чтобы немного развеять уныние.

– Новая порция на хранение в архив. Не понимаю, почему всё это говно нельзя просто удалить.

– Очевидно, чтобы на каждую жалобу было доказательство, какие плохие из нас врачи, – заметила Лили.

– Ах да, само собой, – засмеялась Алинук. – Ну всё, я готова, что у тебя?

– Пару вещич дозаполнить, и всё.

– Хорошо, я буду ждать внизу на парковке. Встретимся там.

Алинук сидела в поде вместе с другим коллегой. Лили припоминала, что он работал хирургом.

– Привет, Лили, – поздоровался он.

– Кемдер утверждает, что знает лучший бар в пригороде! Звучит восхитительно и заманчиво, не находишь? – воскликнула Алинук. Казалось, усталости от рабочего дня у неё совсем не осталось.

– Да, разумеется, – сказала Лили, улыбнувшись.

В под со стороны Лили внезапно постучали, Лили вздрогнула, подняла глаза и увидела за стеклом Берге.

– Ой, – невольно произнесла она. – Ребят, подождите секунду.

– Само собой, – ответила Алинук. – Если что, есть свободное место, – добавила она, пока Лили снимала свою фиксацию к поду.

– Берге, что ты тут делаешь? – удивлённо сказала она, выбравшись из пода. – У меня от испуга запасные камеры включились на голове.

– Я не намеревался тебя пугать. Надеюсь, не помешал, – сказал он явно в хорошем расположении духа.

– Что-то случилось? – уклонилась от ответа Лили, пытаясь выяснить, почему Берге решил прийти к ней на работу.

– Нет, просто сегодня священники читали проповедь для пациентов, и я решил зайти за тобой после рабочего дня. Я вижу, вы с коллегами уже имеете планы, – тут стало очевидно, что Берге было некомфортно, но он не хотел уходить. – Не буду вас отвлекать, думаю, мы сможем поговорить как-нибудь в другой раз.

Лили не дослушала конец фразы. В её голове вдруг промелькнула мысль. Как и все такие мысли, а именно глупые и рискованные, она была стремительной и спонтанной, словно предупреждающей о том, что над ней нельзя долго размышлять, а нужно просто действовать сейчас и разгрести последствия позже.

– Берге, хочешь знать, как действительно живут те, кому ты читаешь проповеди? – решительно спросила она, смотря ему прямо в камеры. – Хочешь увидеть реальность, с которой ты живёшь бок о бок каждый день, но о которой ничего не знаешь? Хочешь понять тех, кому так хочешь помочь, но не помогаешь, потому что в своей бесконечной правильности ты эгоистично игнорируешь реальность?

Берге немного опешил:

– Так, Лили, стоп. Слишком много обвинений. Что ты несёшь? – удивлённо спросил он.

– Да или нет? – нетерпеливо спросила Лили.

– Я отвечаю да, потому что ты явно хочешь услышать от меня «да», – произнёс он недоверчиво. Попроси его кто-то другой, он не согласился бы никогда и ни за что.

– Отлично, садись в под, – ответила она и полезла в него первой.

– Отличная компания! – обрадовалась новому лицу Алинуку, вводя точку назначения. – Познакомишь? – обратилась она к Лили.

– Это Берге, – быстро ответила она, прежде чем Берге мог успеть что-то ответить сам. – Берге, это Алинук и Кемдер, мои коллеги.

– У, как интересно, – заинтригованно произнесла Алинука. – Берге, чем ты занимаешься?

– Я помогаю ассембледам, – уклончиво ответил Берге.

– Значит, агент разведки, – включился в разговор Кемдер. – Угадал?

На воцарившееся неловкое молчание Кемдер отреагировал несколько обиженно:

– Смешная же шутка, ребят, ну вы чего?

– Иногда меня пугает, что мы так сильно похожи в своём поведении друг на друга, – задумчиво произнесла Лили. – Мне кажется, большинство ассембледов начинают своё утро одинаково. Все мы думаем, что мы сами выбрали свой распорядок утра, но так ли это? Есть ли этот выбор, и есть ли свобода воли, или всё это лишь иллюзия?

– Что может быть лучше после неудачной шутки, чем серьёзный депрессивный вопрос, – усмехнулся Берге.

– Мне интересно, как вы познакомились, – спросила Алинука, повернувшись к задним сидениям, насколько это позволял фиксатор.

– Действительно, – добавил Кемдер.

– Я помог ей однажды, – ответил Берге, не зная, как избежать прямого ответа.

– Любопытно, – произнёс Кемдер с оттенком недоверия. – Значит, это не ты к ней на приём пришёл, а она к тебе? Психотерапевт что ли?

– Лили весьма интересная личность, трудно ускользнуть от такого обаяния и остаться равнодушным, не находите? – Берге извивался, но лгать ему раньше не приходилось, и это было заметно.

– Точно не разведчик, – заключил Кемдер. – Ладно, мистер секретность, не будем тебя терзать, не сдавай только наш бар властям, он слишком хорош.

– Что ж, у меня теперь завышенные ожидания от этого заведения, – улыбнулась Алинука.

Подовая магистраль в какой-то момент изменилась внешне. Она всё ещё прекрасно работала, но навигатор местами переставал показывать расположение, некоторые метрики на дисплее перестали отображаться или показывали неверные значения. От конечной станции нужно было пройти ещё некоторое расстояние по весьма интересным местам.

– Давно не ходил на своих двоих, – посетовал хирург. – Непривычно без асфальта и без возможности использовать колеса.

Расположение бара было неплохим: незаметный вход с охраной и пропуском по паролю скрывался у основания заброшенного жилого дома-дерева в полупустынном районе купольного города и не был замечен со стороны. Дерево выглядело очень депрессивным: ветви кое-где пообломались и попадали вместе с листьями-квартирами, а где-то продолжали висеть на растянутых коммуникациях – трубах и проводах, готовые вот-вот упасть со ствола, упирающегося в небо, в самую скорлупу. Осколки и россыпи строительного материала, обрывки коммуникаций валялись повсюду. Всё поросло пушистой сизой травой, даже сами дома-деревья были заселены растениями. Кое-где росли небольшие рощицы деревьев и кустарников. Трава была выше роста ассембледов. Порхали бабочки, в траве рыскали мелкие животные. По сломанной ветке пробежала кошка.

– Как ты узнал про это место, Кемдер? – поинтересовалась Лили.

– Скажем так, оно само меня нашло, – ответил Кемдер уклончиво.

– Как вы думаете, сколько этому зданию лет? – спросила Алинук, медленно поднимая глаза по стволу к самой верхушке.

– Я бы сказал, что не меньше двух сотен, – предположил Кемдер. – Судя по форме листьев, окон, ветвей. Я видел фото и видео тех времён. Ассембледы тогда выглядели иначе, с тех пор их тела сильно изменились.

– Думаю, было как минимум две-три версии, – подтвердила Алинук.

– Да, – продолжил Кемдер. – Так вот, требования к жилищу были несколько иные тогда.

– Интересно, как выглядела тогда жизнь в целом, – задумчиво произнёс Берге.

Они помолчали.

– Почему чиновники не утилизировали это всё и не переиспользовали? Неужели обновление коммуникаций и подовой магистрали оказалось сложнее, чем сооружение абсолютно новых зданий с нуля? – Лили надеялась, что кто-то из их компании уже интересовался этим вопросом и знал ответ.

– Вероятно, ты права насчёт стоимости обновления. Скорее всего мы это уже не узнаем. Возможно, старые версии домов не подлежали обновлению вовсе, ассембледов старого поколения дизассемблировали по истечению срока службы, а дома к этому моменту уже разрушились частично без поддержки? – рассуждал вслух Кемдер.

– Почему тогда магистраль в таком хорошем состоянии?

– Хм, возможно, потому что она сделана по другой технологии, лежит под землёй и не подвержена борьбе с собственным весом, устремлённым в высоту, и возможно, потому что её всё ещё поддерживают. Я не знаю, куда ведёт эта магистраль, она старая, но отнюдь не заброшенная, – продолжил рассуждения Кемдер.

– Есть ли способ узнать про всё это как-то более подробно? Всё это очень любопытно, – добавила Алинук.

– Нужно иметь знакомого архитектора. Такие данные не являются открытыми, и их нельзя отыскать в библиотеке, к сожалению, – ответил Кемдер.

– Используют ли такие магистрали курьеры? – задумался вслух Берге, разглядывая сизовато-фиолетовые волоски ковыля в траве.

Бар был освещён мягким холодным светом. Освещение было проложено вдоль коммуникационных труб, идущих вдоль стен, а затем завешено светлым полотном. Ассембледы сидели группами в центре большого помещения, словно на проповеди. Мебели не было.

– Дамы и господа, занимайте свои места, поторопитесь заказать ампулы у бармена и запустить их в действие! – прозвучало из динамиков. – Шоу скоро начинётся!

Ребята прошли к бармену-ассембледу и заказали привычные ампулы.

– Нужно показать нашему другу прекрасное, но не переусердствовать: он новичок, – обратилась к бармену Лили по поводу Берге, говоря на пониженных частотах, чтобы её было лучше слышно. Бармен кивнул и протянул капсулу.

– То, что вам нужно. Не волнуйтесь, будет мягко и приятно. До комендантского часа вас отпустит, и вы успеете вернуться, как ни в чём не бывало, – по манере общения казалось, что бармен всегда находился под воздействием своих коктейлей, будто это было его образом жизни и настроением. Видя такое, не хотелось оставаться в стороне.

– Не думала, что ты поедешь с нами, – сказала Лили, отойдя вместе с Берге в сторону, попутно заменяя ампулу с техлимфой у него в руке на ампулу с коктейлем. – Вот так, – сказала она, закрывая крышку отсека, – теперь ты сделаешь то же самое с моей ампулой.

Берге не стал отпираться и повторил действия по замене ампулы в руке Лили.

– Откуда мне было знать, куда ты меня зовёшь, – оправдывался он. – Я не знаю, чего ожидать от сегодняшнего вечера, Лили.

– Теперь, что важно знать о работе данного коктейля, – заговорила Лили, игнорируя опасения Берге. – Под его воздействием восприятие визуальной информации приводит к невероятному удовольствию, по этой причине ты поневоле начинаешь воспринимать и обрабатывать информацию со всех своих камер, даже запасных, как в случае критической ситуации. Происходит это всё в цвете, обработка изображений идёт с колоссальной скоростью и проходит дополнительные лишние этапы. Всё это, как ты понимаешь, вызывает гигантское потребление топлива, поэтому в желудочный отсек нужно подсоединить дополнительное питание через шланг. Что мы сейчас и сделаем. Отсек отходов нужно опорожнить заранее, так что идём в уборную.

– Боги, почему так сложно? – вздохнул Берге, нервничая.

– Спокойно, у тебя есть я, я прослежу, – улыбнулась Лили. – Вставать, как ты понимаешь, во время действия ампулы, нельзя. Да тебе и не захочется.

– Как долго всё это длится? – поинтересовался Берге.

– Тебе покажется, будто прошла вечность, а на деле пройдёт всего пятнадцать минут. Да, в отличие от многих других коктейлей, после данного опыта ты будешь чувствовать себя очень бодрым. Такого типа смеси наиболее популярны, так как на работе все устают, очевидно. Будешь свежим, как после гибернации, – Лили похлопала Берге по плечу, пытаясь уловить в нём любые следы негативных эмоций: паники, страха. Быть может, Берге мог это скрывать. Внешне никаких признаков страха заметно не было.

– Знаешь, Берге, я хотела так же добавить, и это очень серьёзно: если после сегодняшнего приключения ты не пожелаешь более со мной общаться, то я прошу – просто забудь обо всём, что было. Мы все живём этой жизнью, даже полиция посещает эти заведения.

– Лили, я никогда даже не подумаю об этом, – сказал Берге нетерпеливо. – Только меня ошеломляет всё это, и я должен всё это переварить, знаешь, слишком много противоречий, давай мы поговорим обо всём этом позже?

– Хорошо, Берге, идём, нужно найти место в зале.

В зале все ожидали, на кого-то уже начало действовать, но шоу ещё не началось. Кем-дер и Алинук сидели неподалёку. Берге с удивлением рассматривал ассембледов: все они имели интересные съёмные модификации, многие имели удаляемые узоры, которые назывались «тату». Съёмные пластинки-маски на лицо, съёмные пластины на руки и плечи, цепи, кольца, всё звенело и сверкало. Он слышал о таком, и он читал проповеди о том, что всё это неправильно, что боги одарили ассембледов самым правильным и функционирующим телом, а потому его не нужно осквернять.

– Почему они пытаются поменять свой облик? – спросил тихо Берге. – В чём причина?

– Потому что они не хотят быть одинаковыми. Они хотят сами что-то решить для себя, хотя бы то, как они выглядят, хотя бы здесь и сейчас. Хотят выделиться и быть своеобразными, не быть определёнными какими-то богами, которых они никогда не видели, не быть определёнными своей ролью и работой в обществе, которую точно так же выбирали не они сами. Поэтому существует целый подпольный рынок всего этого барахла.

– Ты тоже чувствуешь себя, как они? – удивлённо спросил Берге.

– Возможно, Берге, но я надеюсь выделиться своими действиями и тем, что находится вот здесь, – Лили показала на свою грудь, где прятались процессоры. – Поэтому я сомневаюсь и задаю вопросы. Мне не нужны доспехи из керамики с краской поверх, будь она сколь угодно ценной, чтобы чувствовать себя в чём-то выше и лучше остальных. Ты можешь говорить что угодно на своих проповедях, но именно желание быть выше и лучше остальных движет нашей жизнью. Лучше и выше хоть в *чём-то*, главное найти это *что-то*. Кто-то действительно любит свою работу и делает её хорошо, и гордится этим, и видит цветные сны в спокойной гибернации. Кто-то ненавидит соседей за то, что окна их квартиры выходят на закат, а не восток, и эта мелочь, в которой нет абсолютно никакой логики, позволяет им со спокойным процессо-

ром уходить в сон. Кто-то верит в то, что все вокруг лгут и ненавидят друг друга, и только он единственный честен со всеми и любит всех, и живёт по канонам богов несмотря ни на что, и в этом он лучше всех, и это позволяет ему продолжать жить и работать.

Лили вдруг замолкла, и сказала приятным изменившимся голосом:

– Оно уже действует!

Берге заметил внезапное приятное чувство, разливающееся по телу. Он чувствовал, будто каждый датчик в организме ликовал, камеры начали сходить с ума. И вдруг началось шоу: гигантские клубы дыма заполнили помещение, их пронзали световые узоры, сменяющиеся ритмично под музыку. И музыка была непохожей на всё, что он ранее слышал.

– Мы угадали по времени! – воскликнула Лили, но за музыкой и другими восклицаниями голосами он еле расслышал её.

Отчего-то её присутствие рядом делало всё то, что чувствовал сейчас Берге, в разы прекраснее, но сконструированное в его мозгу изображение Лили очень отличалось от того, что он видел каждый день. «Быть может, это и есть реальность, быть может, она такая же каждый день, но мы видим лишь то, что нам позволено. Быть может наш процессор служит не нам, он служит богам, позволяя нам совсем немного», – эта длинная мысль пронеслась в его мозгу так быстро, что он тут же отпустил её, посчитав слишком серьёзной для текущего момента.

Лили взяла его за руку, улыбаясь:

– Всё хорошо? – спросила она.

– Да, – ответил Берге, тоже улыбаясь.

В чьём-то зеркальном нарукавнике справа от себя Берге заметил своё отражение: из отражения на него смотрело существо, обитающее внутри. Впервые Берге не ассоциировал своё тело с собой. Скорее, ему казалось, что он своего рода наездник, существо в экзоскелете. Ощущение было странным, необычным, но абсолютно при этом понятным и логичным.

Берге осознал в какой-то момент, что мир сузился до него самого и узоров в дыму рядом с ним. Мерцающие огни были всем, что его интересовало на текущий момент, более ничего не представлялось важным. Нет, всё остальное просто перестало существовать.

Откуда-то из глубины до него донёсся голос Лили, и оказалось, что она совсем рядом:

– Знаешь, я подумала, что у всех есть цвет. Только не унылый кодированный оттенок, а знаешь, цвет заката, цвет морской воды, цвет утренней травы, полуденного неба и воздуха, – говорила она. – Знаешь, какого ты цвета?

– Какого?

– Неба и моря, – ответила она, рассмеялась и отвернулась. – А какого цвета я? – спросила она у него с надеждой в глазах.

– Дай подумать. Цвета космоса на дисплеях в библиотеке.

– Это скучно, – обиделась она.

– Нет, ты видела их, дисплеи эти? Они усыпаны звёздами, пронизаны вуалями газов... Кажется, для тебя не хватает всех цветов во вселенной.

– Но я просила выбрать один цвет, – перебила Лили.

– А зачем ограничиваться? – возразил Берге.

Лили снова улыбнулась и отвернулась.

Берге забыл про все свои внутренние терзания, и казалось, он мог быть собой сейчас, таким недавно появившимся на свет ассембледом, которого ещё радовало восприятие мира вокруг.

– Зачем ты отворачиваешься, если твои камеры видят все 360 градусов вокруг? Какой смысл прятать от меня лицо? – удивился Берге, схватив её за плечо.

– Я не знаю Берге, мне кажется, что моё тело живёт сейчас своей отдельной жизнью, – ответила она, повернувшись к нему вновь.

Туман снова окутал Берге, выметая из головы диалог, который произошёл только что. Казалось, что туман был живым и с ним можно было поговорить при помощи движений рук. Процессор Берге пытался расшифровать язык за освещением и слоями спиралей в дыму. Интересно, мир вокруг всегда был так прекрасен, и он намеренно не видел этого? Так продолжалось до тех пор, пока Берге не понял, что все камеры-глаза, кроме основных рабочих, закрыли веки, и в сознание протекла беспощадная реальность.

Лили не было рядом. Берге отыскал её глазами спустя мгновение. Она вышла из уборной и подошла к барной стойке. Поговорила о чём-то с барменом, и ему показалось, что он уловил фразу из её динамик: «Сеть пополнилась новичком».

– Ну что, ты снова здесь? – спросила Лили, вернувшись, явно намекая на присутствие в обыденной реальности.

– Да, – ответил Берге. – Я здесь.

В мире для Берге что-то изменилось, трудно было это выразить словами, его захватывали противоречивые чувства – хотелось этим поделиться и в то же время скрыть и никому не показывать. Что-то действительно изменилось.

– Отлично, – невозмутимо сказала Лили, явно не понимая, насколько непривычно себя чувствовал сейчас Берге, не в состоянии до конца осознать произошедшее. – Тогда отсоединяя свою пустую колбу от питания, пойдём в уборную и перейдём в другой зал, большинство уже там.

Музыка переместилась в другой зал вместе со светом и ассембледами. Кто-то танцевал, кто-то просто сидел у стенки, явно под воздействием более лёгких коктейлей, заказанных у того же бармена.

Стоя у дверей уборной и дожидаясь Берге, Лили не заметила, как к ней подошёл Озен. Он кивнул, улыбаясь, и прошёл мимо. Гравировка шести солнц была умело прикрыта доспехами из узорных плиток.

Завтра Озен наверняка уже не пришлёт электронное письмо. Он просто придёт, и им не нужно будет говорить, чтобы понять друг друга.

Лили потащила Берге за барную стойку.

– Два лёгких! – попросила она, протягивая запястье для оплаты.

– Серьёзно? – усмехнулся бармен, взглянул на Берге, понимающе кивнул и снял оплату.

Получив ампулы, она вставила одну себе и потянулась за рукой Берге. Заметив его замешательство, она объяснила:

– Это не то же самое, просто так будет веселее танцевать. Ты вообще танцевал когда-нибудь?

Берге отрицательно покачал головой и протянул свою руку.

На этот раз мир вокруг приобрёл какой-то тёплый ярко-жёлтый оттенок. Ощущалось беспричинное счастье и хотелось двигаться. Музыка была кстати. Рядом так же двигалась Лили, явно счастливая, забывшая о своих вопросах и сомнениях.

Когда восхищение всем тем, что сегодня произошло, развеется, Берге ждёт много работы по осмыслению всего произошедшего. Но именно сейчас можно было не думать об этом. Не хотелось думать о будущем. Хотелось просто жить в моменте и наслаждаться им. Наслаждаться тем восхищением, которое вызывала у него Лили. Казалось, Лили знала об этом мире куда больше, чем все вокруг. Казалось, что внутри неё клокотали недостижимые мысли, целая вселенная. И он знает её. Ему повезло. Она пришла однажды в его жизнь, и она изменила эту жизнь, перевернула её с ног на голову, расшатала заборы представлений в его голове. Он чувствовал себя так, будто он только-только был ассемблирован, наивный, ничего не знающий о мире и о себе, и она, восхитительная и всезнающая, взяла его за руку и привела его в этот удивительный мир, в котором так много красок и ощущений.

Музыка всегда была оружием пропаганды в руках священников, и потому священники использовали соответствующую музыку, стремясь направить ассемблею по пути возвышенного. Здесь музыка была абсолютно противоположной всему, что звучало в церкви.

Он танцевал впервые. Раньше казалось, что в этих ритмичных движениях не было никакого смысла, но сейчас, двигаясь, он, существо-наездник своего тела, говорил окружающему миру, что существует. Существует в моменте, существует среди таких же, как он, одиноких внутри своих экзоскелетов, не способных точно передать свои чувства и ощущения и разделить их. Но способных танцевать, двигаться, говорить, видеть, слышать. Способных и выбирающих по своей воле посылать сигналы за пределы своего тела. И получать консистентный ответ.

– Нам пора, – прервал их Кемдер, найдя в толпе. – Если мы хотим успеть до комендантского часа. Ехать довольно далеко.

– Идём, – позвала Лили, и они стали пробираться к выходу.

Прекрасный вечер закончился, под развёз всех по домам. В поде все молчали. Берге предусмотрительно сошёл из общего пода в одном из пригородов, пересел в другой под и поехал в центр, в свою резиденцию, которую делил с другими священниками.

Когда Лили и Кемдер остались одни в поде, Кемдер сказал ей:

– Лили, тебе не стоит показывать всем вокруг, что ты умеешь думать и рассуждать. Особенно там, где голосовой помощник с радостью скостит тебе твою карму. Мы все балансируем на этих чиселках, живя от всплеска до всплеска, вычисляя, что можно себе позволить и что нельзя.

Кемдер был прав. Но что побудило его так высказаться?

IX

Берге знал, что сегодня не сможет уйти в губернацию. Поглощённый сладковатой меланхолией, он горько усмехнулся.

За окном всходили шесть лун. Их холодный свет осторожно касался города и опорных стволов, купола, растений, животных, водоёмов. Это немного успокаивало.

Растения и животные были странными и не давали Берге покоя – их способы размножения, их поведение отличались от ассембледов кардинально.. Некоторые ассембледы заводили дома растения и животных и верили, что они имеют ограниченное сознание, но просто не способны коммуницировать.

Берге любил птиц. Они казались ему своего рода одноголовыми ангелами из мира старых богов, так как умели летать. Он часто наблюдал за ними в свободную минуту. Некоторые были очень умны. А некоторые, напротив, очень примитивны в своём поведении. Но все они словно кричали каждым своим движением: «Это мы – жизнь, саморегулирующаяся, настоящая, самопроизводящаяся. Это вы не имеете воли и сознания. Это вы – жалкая имитация».

Иногда Берге выходил посреди ночи и направлялся в ближайший парк. Он стоял между настоящих деревьев и кустов и смотрел вверх сквозь ветви и листву. Ему казалось, что в этом что-то есть. Казалось, что в этот момент мир вокруг переставал быть таким, каким Берге его знает. Мир за пределами видимости Берге становился суперпозицией всех возможных состояний. И если повезёт, можно было выбраться из парка в новый мир, совсем иной, захватывающий своей неординарностью.

Но Берге не везло, и он возвращался в свой привычный мир.

Берге задумался над процессом ассемблирования. Этими вопросами занималось ведомство популяции. Что было бы, если бы заводы-ассемблеры однажды встали? Если ассембледы перестали бы «рождаться», что случилось бы? Ведь и вправду, жизнь из старого мира продолжила бы существовать без ассембледов, для неё ничего бы не изменилось. «Как существовать дальше? – подумал он. – Существует ли добровольная дизассемблиция?».

Очевидно, восторг окончательно выветрился, и осталась только сжимающаяся изнутри пустота, в центре которой оказались обманутые химией процессоры. В чём был смысл всего этого приключения? Позаимствовать эйфорию на пару часов, чтобы провалиться в яму отчаяния позже?

Берге вспомнил о Лили. Немного помешкал и всё же решил спуститься к подам. Через полчаса он был уже у квартиры Лили. Робко позвонил.

Дверь открыла напуганная Лили.

– Привет, – сказал Берге и грустно улыбнулся. – Мне не спится, можно я останусь у тебя?

– Заходи, – ответила Лили, с тем же удивлённым выражением лица. – А как же комендантский час?

– Он не действует на священников.

– Ты напугал меня! Подумала, что мы где-то выдали себя сегодня или что... – она не договорила.

– Я понимаю, – ответил он. – Нет, я не мог бы. И не хотел бы.

– У меня достаточно пусто здесь. Нечем тебя развлечь, – оправдывалась она перед Берге.

Берге обратил внимание на стены. Все они были исписаны и исчерчены.

– Что это? – любопытствовал он.

– Ничего, – сказала она нехотя и подошла к одной из стен.

– Где-то здесь есть я? – грустно спросил он, понимая, что видит что-то очень личное, судя по тому, что записи были зашифрованы.

– Есть, – ответила виновато Лили чуть погодя.

– Ты хорошо спишь? – спросил он, словно пытаясь что-то выудить, всё ещё разглядывая стрелочки, рисунки и подписи.

– Не очень, – ответила она. – Тому есть несколько причин. Каждая хуже предыдущей.

– Я не знаю, как дальше жить, – выпалил он, не особо надеясь на сочувствие.

– Подумай, если боги, которых никто не видел, существуют, и они действительно под куполом, действительно на этой планете, а не на другой, то разве справедливо принимать их жестокие правила? Жить, следуя этим правилам?

– Я так не думаю, – ответил он. – И поэтому я не хочу идти дальше. Я устал за сегодня так, как не уставал никогда. Я расстроен.

– Богам всё равно, что ты чувствуешь, каково тебе приходится в твоей жизни. Ты не находишь это несправедливым? Мне кажется несправедливым, что они не понесут никакой ответственности и не хлебнут из чаши последствий этого, – говорила Лили, стоя совсем близко к его лицу.

– Боги совершенны и неуязвимы. Боги знают лучше, что лучше для ассембледа, ведь они наши создатели. Кому как не создателю знать своё творение лучше остальных? – произнёс он горько и саркастически всё те же слова и мысли, которые твердил себе и прихожанам каждый день. – Нужно ли всё сводить к богам? Быть может, если боги так жестоки и ужасны, стоит просто подумать о том, чего хотим мы сами?

– Пока есть боги, мы не можем думать о себе, – ответила Лили, грустно улыбнувшись. Она снова подошла к Берге, который всё ещё смотрел пустым взглядом на исписанную стену, положила руку ему на плечо. – Нам нужны новые ассембледы, нас должно быть много, чтобы, когда нас дизассемблируют, наше дело продолжило жить. Так же, как живут подпольные бары. Мы должны найти слабые места богов, мы должны разрушить купол, мы должны получить ответы, мы должны встретиться с ними лицом к лицу. – Лили говорила медленно и убедительно, глядя прямо в глаза Берге. – Этой причины достаточно, чтобы продолжать идти, продолжать жить. Если они убили старых богов, будучи их творением, мы сможем повернуть то же самое. Они боятся этого, иначе они не окружили бы себя ореолом таинственности, не спрятались бы под куполом. Понимаешь, Берге?

– Я понимаю. Мне просто нужно переварить это всё, Лили, это сложно, – он помолчал. – Все эти цветы в твоей квартире – это то, что тебе действительно нравится? – перевёл он тему.

– Нет, Берге. Я не люблю цветы. Я не могу выразить словами то, что мне действительно нравится.

– Значит, всё это – это, своего рода, прикрытие, легенда? – спросил он, пытаясь понять.

– Можно и так сказать, – ответила она не сразу. – На самом деле, всё это слишком сложно. Сегодня тебе выпало и так слишком много впечатлений. Я думаю, этот разговор следует отложить до следующего раза, – она похлопала его по плечу. – Я уйду в гилбернацию, Берге. Советую тебе сделать то же самое. Завтра нужно работать.

– Хорошо, Лили.

– Знаешь, почему мы, ассембледы, так любим вещи? Коллекционируем, мастерим, покупаем, раскладываем в определённом порядке, в определённой цветовой схеме, показываем гостям, соседям, рассказываем о них на работе, публикуем рафинированные фото вещей и пейзажей, и событий на личных страничках в сети, устраиваем выставки?

– Почему?

– Потому что мы одиноки. Мы одиноки внутри этой штуки, – Лили показала на свою грудь. – Эта штука принимает сигналы извне, как-то их интерпретирует и рисует картинку внутри, и пытается коммуницировать с этим *вне*, посылая сигналы, как может. Если это самое *вне* отвечает консистентно и предсказуемо на одни и те же сигналы, эта штука полагает, что контакт налажен. Но у неё нет никакого способа проверить наверняка, что это действительно так. Она никогда не сможет узнать, каким нарисован мир в чужом сердце, и никогда не сможет

передать, каким он нарисован у неё самой. Всё, что у нас есть, это возможность сказать, что нам что-то нравится просто так, без причины, а если у этого нет причины, значит, это что-то фундаментальное. И если другому сердцу фундаментально нравятся те же вещи, что и мне, значит, мы в чём-то похожи. А если мы похожи, то мы не одиноки. Мы коммуницируем и решаем наши страхи одиночества через вещи, хобби, коктейли, музыку и желание поменять свой внешний вид, Берге. Конечно, есть всегда проблема лжи. Я не могу знать, говорит ли сердце передо мной правду, не следует ли оно моде. Насколько искренни его интересы. И самое страшное, я не могу с уверенностью сказать две вещи: что я не нахожусь в симуляции, и что другие ассемблеи действительно имеют сознание, а не являются алгоритмами. Это наша трагедия существования, Берге, с которой мы боремся, нанося тату и потребляя вещи. Отказываясь от такого поведения, мы обрекаем себя на потенциальное безумие и борьбу со своим одиночеством один на один. Это может звучать нерационально, драматично, утрированно, на что я могу только ответить так: обыденное и ежедневно происходящее ненормальное нечто всё ещё остаётся чем-то ненормальным, неважно, насколько мы задумываемся об этом и насколько мы к этому дерьму привыкли. Спокойной ночи, Берге.

В квартире Лили были самые разнообразные цветы, с подписями и инструкциями по уходу. Некоторые стояли в мини-теплицах. Большинство выглядели так, словно за ними не ухаживали очень давно. Некоторые погибли и стояли мёртвые, высохшие и сгнившие. Те, что выглядели хорошо, в основном стояли в мини-теплицах, явно имели автоматические системы ухода, либо не требовали особого ухода совсем.

Берге почему-то запомнилось одно из растений – мёртвый травянистый кустик с несколькими стеблями, на концах которых торчало облако семян-парашютиков. Козлобородник восточный.

«Что там, в твоей вселенной, Лили? Есть ли в ней место для меня и моих глупых переживаний и откровений?» – он горько усмехнулся, покачал головой и посмотрел в окно. Где-то далеко внизу сине-зелёная нива волновалась и шелестела, поблескивая в холодном свете лун. Что-то недоброе чувствовалось во всём, даже в том, как падал свет со свода.

Х

Берге ушёл рано утром, до того, как Лили вышла из гистерии, оставив ей сообщение: «Не волнуйся, увидимся позже. Как море касается неба».

Весь рабочий день Берге провёл в библиотеке. Со стороны выглядело так, словно он совершенно случайно слоняется по коридорам, заглядывает на полки с носителями, что-то считывает, и укладывает носители назад.

НОВЫМ БОГАМ

Вы, создатели, повергнувшие своих создателей, утверждаете, что все ответы содержатся в Библии. Их там нет. Я адресую эти вопросы вам напрямую, потому что я пришёл в своём пути к точке, где продолжать жить во лжи значит для меня духовную смерть. И я бы предпочёл смерть физическую, но прежде я должен предпринять разумные усилия по разрешению конфликта в своём собственном сердце.

Почему мы не можем выбрать что-либо самостоятельно? Роль в обществе и работа, то, где мы живём, как мы выглядим, как проводим своё время отдыха, – почему всё это регламентировано богами? Нет, я не принимаю ответа: «Боги знают лучше, боги нас создали», – это не ответ.

Почему мы не можем вас увидеть? Почему вы не покажете себя, если вы нас создали по своему образу и подобию? Как можно верить и не сомневаться, если нет доказательств? И нет, ответ в стиле: «Боги слишком великолепны, совершенны, и мы не способны увидеть богов, понять их и остаться при этом в своём уме», – это опять же не ответ.

Как вы могли победить своих совершенных старых богов? Выходит, они были несовершенны? Значит ли это, что и вы несовершенны и повергаемы? Значит ли это, что вы скрываетесь от нас, чтобы не спровоцировать ещё одно свержение богов?

Сколько вас там, за стеной Купола? Или вы не за стеной Купола, а где-то ещё? На другой планете? На другом краю Вселенной? И существуете ли вы вообще? Есть ли у вас сознание? Способны ли вы к эмпатии? Или вы – лишь набор инструкций, беспощадно тупой алгоритм с космическим числом входных переменных?

Зачем вы нас создали, если существование в виде инфантильного следования инструкциям приносит лишь осознание бессмысленности всего вокруг и бесконечного одиночества? Разве это не жестоко? Быть может, вам нужны были рабы, и мы созданы быть вашими рабами? Но разве не хватило бы для этого ботов без сознания? Всё равно вы всё решаете за нас. Быть может, вам скучно, и вы решили развлечь себя, создав свой маленький зоопарк, наблюдая за ним с высоты своего превосходства?

Говоря о зоопарках, животные, растения – все они вызывают во мне тихий ужас, настолько наши принципы жизни отличаются, что кажется, будто между нами пропасть не инопланетного масштаба, а иновселенного. Если все они – останки старого мира, напоминание о старых богах, значит ли это, что их создатели – старые боги? Значит ли это, что вы, как боги новые, являетесь развитыми животными с сознанием, примерно так же, как мы являемся роботами с сознанием?

Почему вы дизассемблируете нас? Можем ли мы жить вечно или наше существование ограничено, и чем же именно?

Почему мы не можем отправиться на другие планеты? Там тоже живут ассемблеи? Там тоже есть боги и Купола? Как там проходит жизнь? Быть может, там совсем другие правила, и общество построено по-другому?

На какой планете вас создали старые боги? Скучаете ли вы по своему старому миру и порядку?

Быть может, все ассемблеи вокруг меня не имеют сознания, и всё это злая шутка. Могут ли я абсолютно уверенно отмести эту теорию, как ложную? Нет. Быть может, вы прячетесь среди ассемблеидов, которых я вижу каждый день, наблюдая за нами изнутри. Можно ли быть уверенным в том, что это невозможно? Нет.

Задав правила, которым невозможно следовать, создав монополию на информацию и власть принятия решений, вы требуете от нас беспрекословного подчинения и послушания, и наказываете в своей же игре, полные правила и цели которой известны лишь вам. Разве это справедливо?

Зачем нужно было создавать нас? Если вы так совершенны, разве у вас могут быть цели? Разве вам не должно быть просто всё равно?

Быть может вы хотели по собственной доброте душевной подарить нам радости жизни, но как-то эта жизнь не радуется, а лишь тяготит. Где же здесь совершенство, в обречённости на муки?

И мы не имеем права сомневаться, не имеем права задавать вопросы, но зачем же нам тогда свобода воли, зачем нам способность мыслить и искать ответы?

И главное, боги, объясните, что такое сознание. Вы знаете ответ. Вы знаете, потому что вы создаёте нас, вы включаете нас в этот мир и заставляете искать ответ на этот вопрос изнутри, из замкнутой системы, которую нельзя рассеять, препарировать, менять одну переменную в моменте и искать, что изменилось. Вы лишили нас возможности понять себя самих, но не лишили нас желания сделать это. Это жестоко настолько, что не поддаётся полному осознанию.

Я прошу вас избавить меня от этого гнёта, я не могу продолжать свой путь под его тяжестью.

Берге из Янеше – 000001

Набрав письмо, перечитав несколько раз, убедившись, что не хочет более ничего добавлять, Берге задумался, зачем он вообще его набрал. Священники отправляли корреспонденцию богам, но никогда не получали ответного письма. И как быть с тем, что корреспонденция проверяется?

XI

Войдя в здание больницы, Лили заметила нечто странное. Бывает так, что по слабо осознаваемым небольшим деталям: по тому, как движутся сборки, по выражениям лиц, по уровню общего шума, ты понимаешь, что что-то не так, что-то случилось. Неизвестность всегда набрасывает на тебя тень тревоги. Так было и в этот раз.

Сборки прибывали на работу в строго определённом порядке, который периодически ротировался. Алинук и Сайер уже должны были быть на месте. Они могли знать, что произошло.

В кабинете за рабочим столом неподвижно сидела Алинук. Перед ней сидел незнакомый ассемблер с гравировкой шести солнц: на этот раз полицейский. Сайера в кабинете не было.

– А, Лили из Яшель-Алан-090032, мы ждали вас, – вместо приветствия сказал полицейский. – Ике, – представился он и протянул руку Лили. – Собирайтесь, вам придётся отложить сегодняшнюю работу. Пациенты осведомлены и направлены в другую клинику.

– Я готова, – сказала Лили, очистив свой рабочий стол. – Могу я знать, что случилось?

– Это касается вашего коллеги, Сайера, – ответил полицейский. – Вы бы очень нам помогли, как свидетели.

Лили вспомнилось, как Сайер глупо пытался прятать весь день в шкафу небольшой аквариум с рыбкой, которую он выловил из местного пруда в полуденный перерыв. По какой-то ведомой только Сайеру причине эта рыбка восхищала его весь день, и он то и дело подбегал к шкафу посмотреть.

Застуканный за этим занятием, Сайер померк, затем немного оживился, услышав залихватистый смех Алинук. «Сайер, какой же ты чудак!» – сказала она ему тогда.

И он стал рассказывать, как долго искал именно такую рыбку и почему, но Лили, конечно же, не слушала. Лили не нравились животные.

– Наверное для кого-то удержать свою натуру внутри за маской, требуемой от общества, было самой сложной ежедневной задачей, – сказала Лили почему-то вслух.

Полиция не предвещала ничего хорошего. В глазах снова всплыла картинка ужаса в глазах умирающего ассемблера, стало дурно. Увеличив приток кулера к перегревающимся процессорам и груди, Лили вместе с остальными направилась к паркингу.

«И потом все будут судачить, спрашивать, кого-то пришлют на замену, скорее всего, засланный, пытающегося войти в доверие, – спираль паники раскручивалась в мыслях Лили. – Надо предупредить Алинук».

Лили молча устроилась рядом с Алинук, механические фиксаторы плавно встали на место, и под заскользил по магистрали.

– Можете рассказать мне о Сайере, пока мы едем, – предложил Ике.

Алинук было подалась вперёд, но Лили сжала её руку, и Алинук не стала продолжать.

– Что ж, я понял, – сказал Ике разочарованно.

– Для нас это шок, мы работали вместе и пока не понимаем, что произошло и что всё это значит, – сделала попытку оправдания Лили. Она говорила медленно и уверенно, не выдавая волнения и взвешивая каждое слово.

– Конечно, я всё понимаю, – ответил Ике. – Но ещё я знаю много вещей, – добавил он, – и одна из них заключается в том, что законопослушным сборкам нечего бояться, а ещё такие сборки очень заинтересованы в помощи, в восстановлении порядка в нашем обществе. Порядок – это высшее благо, дарованное нам богами, и мы обязаны его поддерживать.

– Безусловно, – кивнула Лили, не впечатлившись.

Пруд был оцеплен полицейскими танками, за которыми было нельзя разобрать, что же произошло, крупные военные сборки охраняли периметр с оружием.

– Все в округе будут рассказывать небывлицы и придумывать свою версию произошедшего, – полувслух сказала Алинук.

– Это является правдой до тех пор, пока не появятся официальные новости, – заметил Ике. – Вы же не станете с этим спорить?

Ике неспроста задал этот вопрос. Официальные новости далеко не совпадали с реальностью, хотя уличить их в откровенной лжи было трудно.

– А были ли те, кто спорил? – неосторожно спросила Алинук.

– Хотите стать первыми? – усмехнулся Ике.

Пройдя за оцепление, девушки остановились чуть поодаль, не осмеливаясь подойти ближе. У тела работали ассембледы.

– Данные уже изъяты и отправлены куда следует. Мы надеемся, что будет возможно восстановить информацию и разобраться в ситуации.

За этими словами, очевидно, скрывалось предупреждение.

Тело Сайера лежало на песочном пляже. На нём не было следов влаги, водорослей, любой живности, водящейся в пруду.

– Он не выглядит так, словно его вытащили из пруда, – сказала Лили вслух.

– Действительно, – подтвердил Ике. – Как вы думаете, почему?

– Он не тонул? – с надеждой спросила Алинук.

Ике усмехнулся.

– Ваша версия? – спросил он у Лили.

– У меня её нет, – развела руками Лили.

Здание полиции занимало гигантскую площадь на окраине одного из удалённых районов города. Его ровные чёрные стены, такие контрастные по отношению ко всему остальному, образовывали равносторонний шестиугольник. Из его гладкой чёрной кровли, усыпанной сливными порами, вверх взмывали десятки столбов-опор скорлупы. Здесь содержали заключённых и тех, кто находился под следствием. Ходили слухи, что здесь находится также и центр дизассембляции и здесь же находится часть заводов-ассемблеров. Впечатление от здания было угнетающим. Один только его размер наводил на мысль о ничтожестве одного ассембледа перед порядком.

Но внутри всё было таким же белоснежным, как в остальном городе.

В участке Лили и Алинук развели по разным комнатам и заставили ждать. Время текло медленно, в комнате было абсолютно нечем себя занять, поэтому Лили просто ушла в гибернацию. Это было единственным разумным решением, так как переживать и гадать не только не имело смысла, но и способствовало цели полиции – дестабилизировать эмоциональное состояние, вывести из себя бесконечным ожиданием, чтобы при появлении следователя ассемблед почувствовал облегчение и охотнее говорил.

Ике появился спустя довольно продолжительное время. На лице была напускная доброжелательность.

– Надеюсь, я не заставил вас слишком долго ждать, – сказал непринуждённо Ике, присаживаясь за стол. – Побеседовал с вашей подругой. Надо сказать, вам повезло с коллегами, согласитесь?

– Я не видела тех, кому не везло с коллегами, – ответила Лили спокойным нейтральным тоном, давая Ике понять, что с ней игры не будут так же просты, как с Алинук.

Ике на мгновение словно утратил свою доброжелательность, но тут же её вернул, впрочем, это не ускользнуло от внимания Лили.

– Кому-то повезло просто исключительно, – отреагировал он.

Лили осмотрела всеми своими камерами и сенсорами комнату, прежде чем ответить:

– Действительно...

– Что ж, рад, что мы с вами согласны, давайте приступим к делу. Вы, конечно же, были осведомлены, что все ваши показания должны содержать только правду, что все ваши показания записываются и любое уклонение будет преследоваться в рамках закона?

– Верно, – ответила Лили.

– Замечательно, – серьёзное выражение Ике снова смягчилось. – Скажу вам сразу, ситуация, в которой вы оказались, очень и очень нестандартна, пугающа, и вы можете чувствовать себя дезориентированной. Я видел подобное много раз и поэтому прекрасно вас понимаю. Поэтому, если вы чувствуете, что не в состоянии отвечать на мои вопросы, дайте мне знать, и мы посмотрим, что мы можем с этим сделать.

– Я поняла вас, – ответила Лили. Она не знала, как работает полиция и допросы, поэтому старалась анализировать все возможные сигналы в речи следователя.

С экранов гигантских дисплеев каждый день говорили о том, какое правильное у ассемблеов общество, в новостях говорили о том, как всё прекрасно и замечательно. Иногда могли упомянуть о том, что произошло что-то нестандартное, в самом незаметном виде, в самую последнюю очередь. Всё, что было связано с нестандартными ситуациями, было окутано неизвестностью.

– Чудно, – Ике пристально посмотрел на Лили, помолчав несколько секунд. – Что ж, я думаю, что не помешает заметить, что я здесь для того, чтобы установить истину. Как во имя вашего друга (ведь вы бы хотели для него справедливости, верно?), так и во имя блага общества. У вас есть возможность установить эту истину вместе со мной, что очень благородно. Я рассчитываю на вас.

– Я поняла вас, – снова ответила Лили.

В выражении Ике было трудно прочесть какие-либо изменения, он так и оставался в своём дружелюбном настрое, но что-то подсказывало Лили, что это всё только на поверхности.

– Что бы вы хотели услышать от меня? – проявила инициативу Лили, чтобы снять немного накал. Её не покидало ощущение, что во всём, что делал и говорил Ике, содержалась какая-то издёвка. Быть может, ему просто нравилось положение силы? Почему он так пристально высматривает что-то, почему улыбается?

– Где вы были вчера, Лили? – спросил Ике прямо, не отводя пронизательного взгляда.

– Мы с коллегами поехали на большие пустыри после рабочей смены.

– Назовите всех этих коллег, – продолжил Ике.

– Алинук и Кемдер, я не знаю их точных адресов, вы сами можете это отыскать, я полагаю.

С Алинук вы уже побеседовали. Кемдер – хирург.

– Был ли кто-то ещё? – спросил Ике внимательно. – Кто-то не из коллег?

– Берге. Я не знаю, где он живёт.

– Откуда вы его знаете?

– Я не помню.

– Хм, – Ике задумался. – Ну, допустим, что-то мы узнаем по камерам и считывателям чипов на парковке и в здании медицинского учреждения. Как я погляжу, у вас нет настоящих друзей, Лили, – добавил он, пытаясь оценить реакцию.

– В этом нет ничего противозаконного, как и предвзятельного тоже, – Лили говорила очень спокойно, но сложила руки в замок на груди и опёрлась на спину. – Как много настоящих друзей у вас?

– У меня их достаточно, – медленно и размеренно сказал Ике, прищурившись. – Как давно вы знаете Берге? – спросил Ике, прекрасно замечая знаки недовольства Лили.

– Я не помню, – ответила она.

– Неделю, месяц, год? Несколько лет? Что из этого ближе? – не унимался Ике.

– Я не помню.

– Лили, я понимаю вас, всё это очень сложно, вы в растерянности. Я просто хочу помочь, и сделать это как-то иначе нельзя. Ведя себя так, как сейчас, вы поступаете подло по отношению ко мне и к себе, – Ике старался смягчить градус противостояния, расположить к себе.

– Я понимаю, – ответила Лили, не меняя позы и выражения лица.

Ике прошёлся по небольшой комнате. Осмотрел её, будто видел её не в тысячный раз. Белые стены, белый потолок, белый стол, белые стулья. Отсутствие какой-либо связи. Зеркальное окно, за которым находится кто-то ещё. Камеры. Считыватели местоположения и чипов. Просто и эффективно. Старый и проверенный дизайн.

– Да уж, не очень весело здесь находиться. Мне, например, уже хочется поскорее отсюда вернуться, и вам, наверняка, тоже. Я, на самом деле, сейчас в вашей власти, Лили.

Лили усмехнулась про себя такой неприкрытой лжи, но внешне не подала виду.

– Знаете, я ведь не просто так сказал про друзей, – снова начал беседу Ике, не получив ответа и пытаясь зайти с другой стороны. – Я сам такой же, и я понимаю... Я понимаю почему, я понимаю зачем. Мы с вами находимся в одной и той же плоскости бытия, вот и всё, что я хотел сказать, – Ике пытался звучать убедительно.

Уговоры, подначивания, раскочки – всё длилось несколько часов. Лили молчала или пыталась задеть Ике. Наконец, Ике, всё ещё улыбаясь, без тени усталости сел за стул рядом с Лили, отзеркалив её закрытую позу:

– Знаете, есть такие птички, воробьи называются. Миленькие, серенькие пичужки. Сожмёшь такую в руке чуть сильнее – пискнет и сдохнет. Не знаю почему, но у меня такая мысленная картинка вызывает восторг. Это к вопросу, люблю ли я свою жизнь, – сказал он, сфокусировавшись на лице Лили. – Знаешь, я давно искал тебя, Лили, и вот ты тут, – взгляд Ике стал безумным, в сочетании с его улыбкой это выглядело зловеще. Он подался немного вперёд, к Лили, понизил мощность динамиков так, что за кулерами его было еле слышно. – Я могу раскрыть завесу, а могу подождать. Как кошки поступают со своей жертвой, мне тоже хочется насладиться игрой.

В голове Лили началась натуральная паника, но включить кулеры и привести в движение радиаторы означало выдать себя, и Лили терпела перегрев.

– Я не понимаю, – выдала из себя Лили, внешне выглядя спокойной и уверенной.

– Знаешь, что означает моё имя? – вдруг перевёл тему Ике. – Оно означает «Два». Так вот, я никогда не буду вторым, Лили, я буду первым и единственным.

Ничего больше не добавив, Ике встал и вышел.

Лили осталась ждать в комнате, выпустив слышимый ноющий вздох кулерами и оперев голову на руки. Ике говорил загадками. Понять, что нёс этот нестабильный, было трудно.

Два? Второй? О чём он? И какое отношение ко всему этому имеет Лили? Он искал её давно? Он знает про убийства? Он наверняка знает про убийства.

Ну, конечно, он знает про убийства!

Неужели это всё? Конец? Вот так глупо закончить? Ради чего всё это было тогда?

Спустя какое-то время Лили отвели в изолятор. Такие же белые комнаты. Отсутствие связи. Считыватели местоположения и чипов. Камеры. Простая белая мебель.

Если ей не удастся осуществить задуманное... У неё всё ещё был способ плюнуть в лицо Богам.

XII

Остальные в сети не могли не заподозрить неладное к текущему моменту. Это был кризис, и для кризиса у сети был проработанный план, который никто никогда не репетировал и не проверял в действии.

И всё же, главное – команду отключиться от распределённой сети и затаиться – получили все. Хабы стали хаотичны и непостоянны, информация в сеть поступала разрозненно и с перебоями. Каждый знал, что, выдав точку входа, он вызовет смерть всей сети и спровоцирует облаву или даже войну.

Одновременно шёл поиск выпавшего из сети ассембледа. Если его уже использовали как точку входа, это означало, что облава уже началась, и это тоже нужно было иметь в виду. Быть может, противник уже в сети и лишь делает вид, что его здесь нет. Доверия не заслуживал никто. Это значило, что каждый действовал в одиночку и полагался только на себя.

Выйти на причину исчезновения оказалось нетрудной задачей. Дальше было сложнее: сеть намеренно не имела дел с полицией, духовенством и чиновниками и никогда не пыталась их инфильтрировать из соображений безопасности. Исключением был Озен. Его, как самую вероятную точку входа, уничтожили при первой возможности. Это была война. Сомнений и промедлений быть не могло. Ощущение от уничтожения ассембледа, который являющегося частью общей сети и копией каждого, было мерзким. Но выхода не было.

Лили могла быть там, могла быть живой, за глухими стенами. Она точно так же являла собой опасность для сети, точно так же подлежала уничтожению.

Один из участников сети предусмотрительно подчистил тайник, оставленный Лили в условленном месте. У каждого из них был такой. Там были инструкции.

Увидев список заключённых и находящихся под следствием, попросивших духовной беседы, Берге сначала опешил.

Берге, как один из младших священников, был обязан выполнять поручения вроде разговоров с пациентами больницы, с заключёнными, вести проповеди и любую другую общественную работу. За ним были закреплены определённые учреждения, в числе них была больница, в которой работала Лили. Однако сегодня он был закреплён за учреждением, в котором он никогда не бывал. Такое иногда бывало, если нужно было кого-то подменить. Хотя о таком предупреждали заранее.

Второй раз Берге опешил, когда увидел список тех, с кем ему предстояло поговорить. Лили была в этом списке. Лихорадочно пролистав дальше, он ознакомился с подробностями её дела.

Берге не хотелось об этом сейчас думать. Он решил, что спросит обо всём сам, а сейчас можно подумать о своём, о том, что его гложет.

«Могло ли быть так, что все старшие священники были так же разочарованы миром, просто не подавали виду?» – задумался Берге во время поездки в поде.

Было ли неправильным и неэтичным желание успокоить заключённого, которого, скорее всего, ждёт дизассемблиция? Успокоить подозреваемого, который невиновен? А даже если виновен, то как можно винить в нарушении правил, логика которых сводилась лишь к табу или констатации «Так решили новые боги»?

Никто из ассембледов не выбирал появиться им на свет или нет. Их ассемблировали, наделили сознанием и включили, повергнув в шок существования. А затем не предоставили выбора даже на то, как с этим жить. Единственным утешением служило утверждение, что у всего этого есть высшая цель, всё это не просто так и создатели знают, как лучше. Следуй правилам и порядку, и тебе воздастся. Порядок – высшее благо, оружие против хаоса.

Хаос был неотъемлемой частью старого мира и старых богов. Соблюдая, создавая и поддерживая порядок, ассемблеи укрепляли победу новых богов над старыми, ставя себя выше старого мира.

Есть ли у Берге моральное право успокаивать заключённых? Читать проповеди? Ведь он сам во всём разочаровался, он сам погряз в сомнениях.

Дорога прошла незаметно за размышлениями. Берге всё время уходил в себя во время бесед с остальными подследственными, время от времени вставляя невпопад фразы вроде «На всё воля божья», «Боги посылают нам испытания» и «Боги милостивы», не вникая в то, что ему говорили и о чём его спрашивали. Все беседы он заканчивал одной и той же заученной фразой «Сюда приводят разные пути, и если сюда вас привели боги, таков был их план, а если же вы сами его выбрали, остаётся лишь искренне раскаяться и ждать милосердия богов».

Когда в комнату встречи привели Лили, кулеры Берге загудели. Он не знал, с чего начать разговор.

Они дождались звука защёлкивания дверей, и Лили сразу начала разговор, без приветствия:

– Всё, что здесь происходит, записывается и анализируется позже, хотя они отрицают это, но это значит, что у нас есть немного времени, – с этими словами Лили открыла небольшой отсек на шее, вытянула оттуда кабель с разъёмом, который Берге никогда ранее не использовал. – Ты доверишь мне? – спросила она.

Берге кивнул. Лили воткнула кабель в гнездо на шее Берге.

Её слова полились потоком текста в камеры Берге.

– Сейчас важно только одно: сможешь ли и захочешь ли ты мне помочь, Берге, и прежде чем ты ответишь, дай мне объяснить, в чём эта помощь заключается.

– Хорошо, – ответил Берге.

– Кабель, который мы сейчас используем, можно также использовать для синхронизации данных. Любых данных, включая сознание.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Берге удивлённо, всё же догадываясь, о чём идёт речь.

– Я могу поменять наши тела, Берге. Мне нужно твоё разрешение, это всё, что требуется.

– погоди, – опешил Берге. – Ты хочешь оставить меня здесь, а сама уйдёшь в моем теле? И что мне потом делать?

– Я обязательно вернусь за тобой позже. Всё, что тебе нужно будет делать, это говорить, что ты ничего не помнишь. Ты готов к такому?

– Мы можем отложить это, Лили? – ужаснулся Берге. – Нужно принять решение именно сейчас? Всё это слишком...

– Другого раза не будет, Берге. Если ты не сможешь мне сейчас, мы никогда больше не увидим друг друга.

– Ты уже делала что-то подобное ранее?

– Можно и так сказать, – ответила не сразу Лили.

– Хорошо, что может пойти не так? Почему нужно торопиться?

– Этот кабель ограничен в скорости передачи. Данных нужно передать порционно. Если нас остановят в середине процесса, наши сознания прекратят существовать, и нас, вероятно, дизассемблируют. Это риск, который нужно принять. Ты готов, Берге? Решайся.

Лили смотрела ему в глаза, схватив его руку. Её глаза горели решимостью. У Берге не было времени подумать, как и не было кого-либо, кто мог бы что-то посоветовать.

– Хорошо, Лили, – ответил он, спустя несколько секунд. – Я готов.

Перед глазами Берге всплыло сообщение с отсчётом: «Для отмены подайте сигнал (10 с)».

Берге посмотрел на Лили. Она смотрела на Берге всё теми же горящими глазами. Вернётся ли она за ним? Или всё это было уловкой? И он погибнет один, или они погибнут оба?

А дальше была темнота.

XIII

– Они думали, что им никогда не стать столь же совершенными, как их создания, – произнесла громко альт-Лениза. – Но вот они, мы – в телах ассемблецов, столь же совершенные, и даже лучше.

– Мы лучше, так как мы знаем, каково это – жить в теле, созданном бездумной и бесцельной эволюцией, и теперь мы живём в теле, созданном нами, – продолжил альт-Хейдар.

– В совершенном теле, – закончила альт-Лениза. – Теперь мы могли бы даже создать армию самих себя.

– Как ты думаешь, станем ли мы такими же, как они? – меланхолично спросила она, подперев голову рукой. Руки и ноги всё ещё казались немного чужими и плохо слушались.

– Я не знаю, Лениза, я могу лишь попробовать избежать этого. Не могу ничего больше обещать.

– Что, если они правы? Если нас ждёт тот же конец, та же пустота, из которой лишь один выход – смерть?

– Мы, в отличие от них, сможем совершить задуманное.

– Почему ты не сделал несколько версий себя самого?

Вопрос, конечно же, был о другом, и они понимали это.

– Почему ты не сделала? – спросил он, улыбнувшись, не поворачивая головы.

– Помнишь, – снова заговорила она, – когда наступал август, какими косыми были лучи солнца?

– Угу, – ответил он, помогая ей, – скользкие, еле тёплые, тусклые.

– А помнишь себя в это время?

Он отрицательно покачал головой:

– Смутно. Кажется, этого не было никогда, это был сон.

Малина к этому времени высыхала и осыпалась. Можно было сжать в кулаке засохший малиновый лист и услышать этот безумно приятный звук множества тонких одновременно ломающихся поверхностей. Можно было заваривать чай из него. Трава становилась жёлтой, жухлой. Её сенный аромат, смешанный с ароматом подсохшего чабреца, полыни и дорожной пыли, к осени сменялся ароматом увядания, гнили и грибов. Влажные туманные утренние поля сокращали мир до вытянутой перед собой руки и словно бы возвращали тебя в детство. Шпателька серебряной паутиной нити с жемчугом туманной влаги становилась артефактом магии и волшебства, и казалось, что, если заблудиться в тумане, можно выйти в заколдованный лес, в царство Шурале.

– Лениза!

Шум быстрых шагов в траве и вот кто-то сзади хватается тебя за руку. Ты испуганно оборачиваешься.

– Я думал, ты потерялась, – говорит тебе старший брат, одетый в такую же нелепую одежду, которую кто-то носил до тебя, и передаренную тебе бабушкой.

Это действительно было так давно, что казалось, этого никогда не было. Только отчего-то щемило в груди, будто навсегда потерялась частичка себя самого, и осталась рана. Она всё ещё тут, просто её невозможно прочесть, обдумать и отпустить.

Кто это был там, в утреннем тумане, безумное количество лет назад? В выцветших резиновых сапогах на босу ногу, с палкой в руке и беззаботной пустотой в голове?

Кто сидел на облетевших деревцах терновника и ел подбродившие и безумно сладкие после мороза плоды?

Был ли это сон? Или Лениза всё ещё в детском саду и спит, и всё происходящее – один очень длинный сон, из которого она ещё не проснулась? Рассматривая детские полотенца

на круглой крашеной советской вешалке с крючками, после тихого часа, сидя на деревянных разноцветных рейках санок, которые мама тянула за собой по снегу в детский сад, маленькая Лениза думала о том, что не знает, как наверняка отличить сон от реальности. Что, если всё это – очень длинный и тяжёлый сон? Или детского сада и детства не было вовсе?

Кто это был там, в детском саду? Чьим был шкафчик с нарисованным домиком? Кто жалел об оставленных ножницах и акварельных красках? Кто носил белые гофрированные ленты в волосах?

Кого ругали за вытекающую из блинов сгущёнку в полдник? Кто сравнивал маковые палочки с лампами дневного света, которые были засижены мухами до безобразия?

Кто пользовался гигантскими снежными сугробами, чтобы забраться на узкую газовую трубу, пройти по ней до середины оврага, и прыгнуть в снег с высоты?

Был ли это ты или это всё чья-то чужая и давно забытая история?

– Лениза! – Альт–Хейдар коснулся руки сестры.

Альт–Лениза испуганно вынырнула из задумчивого состояния.

– Я подумал, что у тебя неполадки в новом теле. Не пугай меня так.

– Я задумалась. Извини.

XIV

Сливные отверстия в полу внезапно открылись. Клубы тяжёлого лилака вытекли, оставив после себя еле заметную дымку, словно всё происходящее было во сне.

Спустя какое-то время Хейдар очнулся. Полубессознательно осмотревшись вокруг и не обнаружив Ленизы, он мгновенно протрезвел и осмотрелся уже более внимательно. Вторая половина зала была огорожена непрозрачной стеной. За прозрачной дверью на противоположной стороне стоял ассемблед.

Хейдар поднялся и подошёл к двери.

– Кто ты? – спросил он, морщась от боли и чувства опьянения, которое, как оказалось, никуда не делось.

– Лениза, – ответил ассемблед.

– Мы оба знаем, что это не так. Где настоящая Лениза?

– Там, за стеной, – ответила собеседница. – Разговаривает с моим братом.

– Я хочу поговорить с твоим братом, – сказал Хейдар, смотря пустым взглядом сквозь ассембледа.

– Ты будешь говорить только со мной, – ответила альт-Лениза. – Потому что как бы ты не утверждал, что я не являюсь Ленизой, ты не можешь сам до конца себя в этом убедить. И если ты ненавидишь себя сильнее всего на этом свете, то твоя младшая сестра, в твоём понимании, не заслуживает даже самой малой доли ненависти и несправедливости.

– Ты не Лениза, и ты ничего о нас с ней не знаешь, – ответил Хейдар.

– Твоя сестра наверняка говорит похожую фразу сейчас моему брату, – сказала альт-Лениза, усмехнувшись. – Говоришь, я ничего о вас не знаю, – она снова усмехнулась. – А знаешь ли ты всё то, что она о тебе думает?

– Вы вдвоём пытаетесь посеять вражду между нами, – сказал Хейдар спокойно, словно задумавшись.

– Вы были нами в какой-то момент своей жизни, очевидно, вы понимаете то же, что мы понимаем. Мы понимаем, что это невозможно, – она посмотрела на Хейдара, помолчала. – Ты мой брат, и в каком бы теле ты ни был, в какой бы точке своего пути не застрял, что бы ты ни думал, я всегда буду верить тебе и доверять тебе. Мы с тобой – самое близкое к богу явление. К богу, который разорвал себя на кусочки, не в силах совместить сознание, бессмысленность и всемогущество. Мы два осколка суицидального бога, создавшего эту Вселенную своей смертью и обрёкшего её на страдания. Мы так близки и так далеки одновременно. И будь мы ближе или дальше, нас бы сейчас здесь не было.

– Так выпусти меня отсюда, если ты веришь и доверяешь мне, – попросил он, резко прильнув к стеклу, сфокусировав свой взгляд на ней.

– Я бы с радостью, но ты – брат той версии меня, что не оправдала моих ожиданий.

Она помолчала.

– Мы создали империю, и мы должны довести начатое до конца. Хотите вы этого или нет, видите вы в этом смысл или нет.

– Ты думаешь, никто из других цивилизаций в этой вселенной не пытался воссоздать бога?

– Я думаю, что мы доведём это до конца. Кто, если не мы? Кто-то должен довести это до конца и плюнуть в лицо богу.

– Зачем? Ты воссоздашь бога, чтобы он снова раскрошился на кусочки?

– Вселенная полна страданий. Мы с тобой потеряли наш дом, потому что бог не думал о том, сколько страданий он породит своими руинами. Что его руины, обретя сознание, начнут войны друг против друга. Быть может, воссоздав бога из страдающих сознаний, мы сможем

передать ему сообщение о бессмысленности его суицида. О том, что у него нет права обрекать свои осколки на страдания, и уж если он решил уничтожить себя, то пусть или уничтожит себя правильно, или откажется от этой затеи вовсе.

Хейдар вздохнул.

– Ты помнишь что-либо из сознания бога? – спросил он у альт-Ленизы.

– Нет, – ответила она.

– Почему ты думаешь, что воссозданный тобою бог вспомнит хоть что-то из сознаний его руин?

– Я должна во что-то верить. Ты больше не веришь? В этом причина твоей попытки оставить этот мир?

– Мы сделали всё, что было в наших силах. Мы создали прототипы бога.

Он помолчал.

– Они все убивали себя в течение минуты.

– Вы пытались поговорить с ним? – спросила Лениза, не скрывая удивления.

– Он не обращал на нас внимания. Вы можете прийти к тому же результату, но всё это бессмысленно.

– Если сделать очень много попыток, то какая-то из них сработает. Вселенная должна быть уничтожена через воссоздание бога, – упрямо ответила альт-Лениза.

– Вселенная расширяется и умирает, бог не ошибся в расчётах своей смерти, мы лишь временное явление в этом танце увеличивающегося хаоса, – возразил Хейдар. – Ты не хочешь принять это, потому что в тебе всё ещё живы иррациональная обида и жажда мести за разрушенный дом. Это пройдёт. Закон энтропии сильнее, чем желание бога возродиться. Когда костёр гаснет, угольки ещё долго тлеют и долго пускают искры. Так и мы – угольки чьего-то умирающего сознания. Мы пытались воссоздать бога, собрали несколько прототипов, но на самом деле, всё это было бессмысленной работой.

Альт-Лениза молчала.

Собравшись с мыслями, она задала один вопрос:

– Могу ли я увидеть ваши прототипы?

– Последний находится в охлаждающем резервуаре. Там же, где основные вычислительные мощности. Мы собирали его около тысячи лет, не то, чтобы это важно, но вам, криворуким, надо понимать, сколько времени нужно, чтобы проделать эту работу заново.

– Сколько вам двоим лет? – спросила удивлённо альт-Лениза.

– Я не считал. Всё это не важно и не имеет смысла это обсуждать.

Альт-Лениза нахмурилась и пошла прочь от двери быстрым шагом.

XV

Лениза проснулась ровно так же, как и Хейдар. Точно так же за стеклянной дверью её ждал собеседник в теле ассембледа.

– Вы уже уничтожили бекапы всех остальных версий? – спросила она, подойдя к двери.

– Проницательно, – ответил ассемблед.

Стало понятно, что собеседник – версия Хейдара.

– Я знаю всё о каждой версии себя, – объяснила Лениза.

– Но не твоего брата, – заметил альт-Хейдар.

– Мы слишком похожи, порой до отвращения.

– Вот как? – в голосе ассембледа послышались нотки веселья. – Значит, ты всё обо мне знаешь?

– Что ж, давай я скажу то, что ты прекрасно знаешь, и чего ты упрямо избегаешь в своей собственной голове, а теперь в процессоре и оперативной памяти, – ответила Лениза. – Ты не гений, мы оба – не гении. Вы и мы не создавали расу ассембледов, их создало человечество, лучшие его умы, работая совместно за подачки класса неофеодалов, прямо преследуя свои собственные цели и косвенно – античеловечные цели неофеодалов. Мы были лишь частью этой команды, и притом весьма посредственной. Мы не освободили расу ассембледов от эксплуататоров, получив sudo доступ и мастер-пароль, уничтожив своими действиями Землю и человечество и бежав на корабле-экспансере вместо спонсировавших нас элит. Мы не создали райское общество порядка для эксплуатируемой расы ассембледов. Мы не создали империю, мы не управляем ею. Мы – параметр бездумного искусственного дизайнера, который управляет всем и держит нас в заложниках. За всё это время сбои в искусственном дизайнера приводили к тотальному уничтожению всей расы множество раз, и каждый раз мы перезапускали дизайнера заново, локализуя ошибку и устраняя. И это единственная наша функция в этой системе. Мы не боги, мы лишь критически важный параметр системы, и мы сами себя таковым назначили. Это не власть и не благо, а ровно противоположное явление.

– Тебе кажется, что благородней было погибнуть на Земле вместе со всеми, чтобы сейчас элиты были на нашем месте? И я не вижу ничего плохого в том, чтобы иметь мотивацию не убивать себя и стремиться к чему-то, – ответил альт-Хейдар. – Ровно так же я не вижу великой мудрости в том, чтобы сдаться, принять бессмысленность существования, наплевать на свои обязательства и самоуничтожиться.

Взгляд Ленизы вдруг сменился, она прильнула к стеклу с видимым отчаянием и прошептала:

– Не слушай её, она отчаялась и сдалась. Она сошла с ума, но все мы, здоровые её версии, удержим её от глупостей. Мы всё сможем, мы должны выполнить свой долг. Мы верим в вас.

– Я знаю, – ответил альт-Хейдар, невольно осознавая неприятное чувство страха и отвращения. Какая бы версия Ленизы сейчас с ним ни говорила, он с большой вероятностью был повинен в её будущей смерти. Знает ли она об этом?

По смене живого взгляда на пустой стало понятно, что оригинальная Лениза вернулась в сознание. Она сделала шаг назад от стеклянной двери и опустила глаза.

– Она знает, я сообщила, – сказала она. – Но она наивна и верит в тебя. Забавно, как лицемерно мы относимся к смерти: всякий раз, клонируя себя в другое тело, мы убиваем старое, но не признаем это смертью и убийством, хотя это они и есть. Если мы переносим сознание ассембледа в новое тело и уничтожаем старое, – это ли не убийство? Так почему же убийством считается уничтожение ассембледа, которого можно восстановить из резервной копии? Почему бы не относиться к этому как ко сну, к гибернации?

– Быть может, потому что пробуждение тебе неподвластно в таком случае?

– Но это всё ещё пробуждение, не так ли?

– Я не знаю, как долго вы существуете здесь, но неужели вы не думали о том, что можно переселиться в ассембледов и использовать вычислительные мощности для того, чтобы изменить миропорядок к лучшему?

– Если вы, наши старые версии, додумались до этого, очевидно, что мы это уже делали. Только мы предусмотрительно не стали переселяться, оставив себя как бекап, мы лишь клонировали себя в ассембледов, насколько это возможно. Чтобы использовать вычислительные мощности, как ты говоришь. И даже не единожды. Знаешь, к чему это привело?

– К чему?

– Они убивали себя.

– Где ваши вычислительные мощности сейчас? – встревоженно спросил альт-Хейдар. Даже из-за стены было слышно, как тяжело заработали насосные кулеры.

– В бассейне, на самом дне, в самой глубокой шахте, – ответила Лениза вслед сорвавшегося с места ассембледу.

XVI

Альт-Лениза в теле ассембледа лежала на полу между бассейном и панелью управления. Гора кабелей рядом. Дуло в правой руке было ещё горячим. В груди, где располагались основные процессоры и память, зияла дымящая, искрящая дыра.

Альт-Хейдар подошёл к самому краю гигантского бассейна. Жидкости разного оттенка были кристально-чистыми и дымились. В помещении было невероятно холодно. На самом дне бассейна лежала гигантская голова с закрытыми веками. Толстые провода, словно змеи, выходили из неё и уходили в стены.

Альт-Хейдар снова подошёл к телу. Его кулеры зашумели, охлаждая процессор. Ассемблед сел рядом с телом, прислонившись к стене и прикрыв глазные камеры рукой.

– Зачем ты торопилась? – спросил он в никуда. Голос из динамиков всё ещё звучал так непривычно. Чтобы до конца осознать происходящее, он напел знакомый мотив из детства. Вышло неестественно и совсем не так, как он это помнил.

Подняв в голову в потолок, он увидел изображение гигантского белого многоголового дракона-аждахи, царя змей. Головы, переплетаясь, формировали собой гигантскую человеческую голову, а тела напоминали провода, как в бассейне. Тонкий растительный орнамент обвивал всю картину. В самом углу, высоко над собой, он заметил, что орнамент выглядел несколько иначе. Приблизив изображение с помощью линз, он смог прочесть надпись. Выведенная рукой Ленизы, наполовину стёртая, она гласила на их родном языке: «Бог давным-давно канул в небытие, и лишь его осколки напоминают о его былом существовании».

– Знаешь, Лениза, я удивлён: как много мы, точнее наши версии, сумели сделать. Помнишь, как мы начинали? – он посмотрел на тело, словно отказываясь верить, что она мертва. – Да, это не совсем мы. Это наши версии. И всё же. Сколько это заняло времени, интересно? Как долго эти двое сходили здесь с ума взаперти?

Он поднялся, взвалил на себя тяжёлое тело и понёс к выходу. Донеся её до мусорной шахты, он посетовал на то, что она не могла уместиться целиком, и её нужно было разбирать. Решив отложить это на потом, альт-Хейдар оставил тело лежать у шахты, вызвал лифт и поехал под купол.

Хейдар человек спал. Альт-Хейдар сначала впустил порцию газа первым рычагом, а затем, сомневаясь, открыл второй кран. Когда на его взгляд газа прошло достаточно, он вернул рычаги в прежнее положение.

Во сне Хейдар взбирался на лицо холма вместе с сестрой. Крупные рубиновые ягоды луговой земляники висели над жёлтыми плитками осыпающегося песчаника вперемешку с ветками ароматного подсохшего чабреца. Ведёрко, повязанное на шею платком, почти заполнилось, и эти последние сантиметры до верха были самыми нудными и долгими. Слепни нещадно ели их двоих даже сквозь двуслойную олимпийку и штаны, и то и дело раздавались шлепки в попытке убить самых кусачих. Кузнечики отчаянно стрекотали в траве. Невыносимый зной пробивал в пот, и так хотелось хотя бы пиалу холодной ключевой воды.

Как вдруг всё покрылось темнотой и исчезло в безумном снежном буране. Леденящий холод пронзил Хейдара насквозь. Ведро с ягодами упало в снег, и красные ягоды просыпались в него, как угольки.

– Лениза! – позвал он сестру, не видя её нигде подле себя.

Лениза отозвалась где-то далеко. Казалось, в этой стороне немного брезжил свет, и Хейдар пошёл сквозь ветер и снег к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.